

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ ЕВСЕВИЯ ПАМФИЛА *

КНИГА ПЯТАЯ

Епископ Римской Церкви Сотир скончался на восьмом году своего епископства. Преемником его стал Елевферий, двенадцатый, считая от апостолов, епископ. Шел 17-й год царствования императора Антонина Вера¹, когда в некоторых областях вспыхнуло страшное гонение на нас: по городам поднялся на нас народ. Что мучеников было неисчислимое множество, об этом можно догадаться по событиям, случившимся в одном народе; потомству сообщено о них в записи, и они воистину достойны остаться незабвенными. (2) Сочинение, в котором они полностью изложены, мы целиком поместили в «Сборнике о мучениках», целью которого был не только рассказ, но и поучение. Теперь же я выберу оттуда то, что имеет отношение к нынешнему труду.

(3) Другие в своих исторических повествованиях обязательно пишут о воинских победах, о трофеях, о подвигах военачальников и доблести воинов, запятнанных кровью и убийствами, совершенными ради своих детей, родины и всякого богатства. Наше слово, повествующее о том, как жить в Боге, запишет на вечных скрижалях тех, кто вел мирную войну за мир своей души и мужественно сражался за истину, а не за родину, за веру, а не за близких. Оно возгласит непреходящую память о сопротивлении борцов за веру, об их многострадальном мужестве, о победе над демонами и незримыми противниками и о венцах, за все это полученных.

1

Галлия была той страной, где устроилось поприще для описываемых событий; ее славные метрополии Лугдун и Виенна превосходят прочие тамошние города. Через оба города проходит река Родан², обильно орошающая всю страну. (2) Церкви этих двух городов, известные и славные, отправили запись о мучениках Церквам в Азии и Фригии. Они так рассказывают о том, что у них происходило (привожу их собственные слова):

(3) «Рабы Христовы, живущие в Виенне и Лугдуне, в Галлии, братьям в Азии и Фригии, имеющим одинаковую с нами веру и надежду

* Продолжение. Начало в «Б. тр.», сб. 23, с. 119—153, и сб. 24, с. 97—138.

Данный труд известного церковного историка Евсевия Памфила (епископа Кесарийского, жившего между 260 и 340 гг.) написан в то время, когда христианская церковная история как наука начала лишь формироваться, когда многие, ныне установившиеся в ней понятия были еще не определены или неизвестны, и потому суждения автора, в частности, о каноне книг Священного Писания и о некоторых догматических положениях, отражают точку зрения христиан первой половины IV века.—Ред.

на искупление, — мир, радость и слава от Бога Отца и Христа Иисуса, Господа нашего». (4) Затем, после некоторого предисловия, они так начинают свой рассказ:

«Какое было здесь притеснение, какое неистовое негодование у язычников на святых, что претерпели блаженные мученики, мы в точности и рассказать не в силах, и описать не сможем. (5) Со всей силой обрушился на нас враг, подготавливая свое неизбежное пришествие в будущем. Он всё пустил в ход: натравливал на нас и приучал к травле на рабов Божиих. Нас не только не пускали в дома, бани и на рынок; (6) нам вообще было запрещено показываться где бы то ни было, но ополчилась на них благодать Божия; она укрепила слабых, ею противопоставлен оплот крепкий, принявший на себя весь натиск лукавого; люди эти шли навстречу врагу, выдержали всяческое поношение и пытки; считая многое малым, спешили они ко Христу, воистину показав, что «нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас».

(7) Сначала они мужественно выдерживали нападение черни, устремившейся скопом и толпами: на них кричали, их били, волокли, грабили, в них швыряли камнями, заключали в тюрьму, поступали, как озверевшая толпа любит поступать с врагами и неприятелем. (8) По приказу трибуна³ и городских властей их вывели на площадь и допросили в присутствии всей толпы. Они исповедали свою веру и были заключены в тюрьму до приезда легата⁴.

(9) Потом их привела к нему. Он обошелся с ними со всей жестокостью, обычной по отношению к нам. Тогда Веттий Эпагаф, один из братьев, достигший полноты любви к Богу и ближнему, ведший жизнь, столь безукоризненную, что его, юношу, приравнивали к старцу-пресвитеру Захарии (он поступал по всем заповедям и уставам Господним беспорочно, не медлил всячески послужить ближнему, имел великую ревность к Богу и горел духом), не вынес такого безрассудного суда и потребовал, чтобы выслушали его защиту братьев, ибо нет у нас ни безбожия, ни нечестия. (10) Окружавшие кафедру осыпали его бранью — а был он человеком известным; легат, раздраженный столь законно предъявленным требованием, только спросил, не христианин ли он. Эпагаф громко и ясно исповедал свою веру и сам получил жребий мученика. Его прозвали утешителем христиан, он же в самом себе имел утешителя: дух Захарии проявлен им в полноте любви; он предпочел выступить на защиту братьев и положить за них душу свою. Он был и остался настоящим учеником Христовым, который следует за Агнцем, куда бы Он ни повел его.

(11) Тут среди остальных обнаружилось различие: одни были готовы к мученичеству и со всей охотой произносили исповедание веры. Оказались, однако, и не готовые, без опыта, еще слабые, не могшие выдержать этого напряженного великого состязания. Таких отпавших было человек десять. Они доставили нам великое огорчение и неизмеримую скорбь и надломали мужественную решимость у тех, кто еще не был схвачен и кто, хотя и с великим страхом, но помогал мученикам и не оставлял их. (12) Тут мы все были поражены ужасом, потому что темен был исход их исповедания; мы не страшились пыток, но, видя предстоящий конец, боялись, как бы кто не отпал.

(13) Каждый день хватали тех, кто был достоин восполнить число

мучеников; из двух упомянутых Церквей забрали людей, самых деятельных, на которых Церкви, по существу, и держались. (14) Захватили и некоторых наших рабов-язычников; легат именем власти приказал всех нас разыскивать. Они, испугавшись пыток, которые на их глазах терпели святые, и поддавшись уговорам воинов, оболгали нас и дали по козням сатанинским ложные показания: у нас Фиестовы пиры, Эдиповы связи⁵ и вообще такое, о чем нам не то что говорить, но и думать нельзя; нельзя и поверить, чтобы такое бывало когда-либо у людей. (15) Когда эти слухи распространились, все озверело; даже те, кто раньше был к нам скорее расположен в силу дружеских связей, в ярости на нас скрежетали зубами. Сбылось слово Господа нашего: «Придет время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу». (16) Теперь святые мученики терпели пытки, которые невозможно описать. Сатана всячески старался, чтобы их устами произнесено было богохульное слово.

(17) Весь неистовый гнев и толпы, и легата, и солдат обрушился на Санта, диакона из Виенны; на Матура, недавно крестившегося, но доброго борца; на Аттала, пергамца родом, всегда бывшего опорой и оплотом здешних христиан, и на Бландину: на ней Христос показал, что ничтожное, незаметное и презренное у людей у Бога прославлено за любовь к Нему, проявленную на напоказ, а в действии. (18) Боялись за нее все: и мы, и ее земная госпожа, сама бывшая в числе исповедников, считали, что у Бландины, по ее телесной слабости, не хватит сил на смелое исповедание. Она же исполнилась такой силы, что палачи, которые, сменяя друг друга, всячески ее мучили с утра до вечера, утомились и оставили ее. Они признавались, что побеждены, и не знали, что еще делать; они удивлялись, как Бландина еще живет, хотя все тело у нее истерзано и представляет собой сплошную зияющую рану. По их утверждению, пытки одного вида достаточно, чтобы человек испустил дух,— не надо столько и таких. (19) Но блаженная, как настоящий борец, черпала новые силы в исповедании: она восстанавливала их, отдыхала, не чувствовала боли, повторяя: «Я христианка, у нас не делается ничего плохого».

(20) И Санкт мужественно переносил страдания, которые были сверх всех человеческих сил и которыми умучивали его люди. Беззаконники надеялись услышать от него недолжное слово, вырванное непрерывными тяжкими пытками, но так тверд был он в своем отпоре, что даже не назвал ни своего имени, ни национальности, ни родного города, не сказал, раб он или свободный; на все вопросы он отвечал по-латыни: «Я христианин». Вместо имени, вместо города, вместо своего происхождения, вместо всего он раз за разом повторял свое исповедание: другого слова язычники от него не слышали. (21) И легат, и палачи были крайне раздражены и, не зная, что делать, стали, наконец, прикладывать раскаленные медные пластинки к самым чувствительным местам на теле. (22) И плоть горела, но Санкт оставался незыблемо тверд в своем исповедании; вода живая, исходящая из чрева Христова, орошала его и давала ему силу. (23) Тело же его свидетельствовало о пережитом: всё в рубцах и ранах, съжившееся, утратившее человеческий облик; но Христос, в нем страждущий, его и прославил, обессилив врага⁶ и на этом примере показав остальным, что ничто не страшно, где любовь Отца, ничто не больно, где слава Христова.

(24) Через несколько дней беззаконники принялись вновь пытаться мученика, рассчитывая, что если они подвергнут его распухшие и воспаленные члены тем же мучениям, то они или одолеют его — а он тогда не мог вынести даже прикосновения руки, — или же он умрет под пыткой и смерть его распугает остальных. Ничего подобного с ним, однако, не случилось: в последующих пытках он, вопреки всеобщим ожиданиям, окреп, распрявился, приобрел прежний облик и способность пользоваться своими членами: вторичные пытки стали ему не в наказание, а, по милости Христовой, в исцеление.

(25) Библиаду, одну из отрекшихся, диавол уже собирался поглотить, но, желая, чтобы она была осуждена еще и за кощунство, повел ее на пытку, понуждая обвинять нас в делах безбожных — а была она существом хрупким и робким. (26) Она, однако, под пыткой отрезвилась и, можно сказать, проснулась от глубокого сна: временная боль напомнила ей о вечной казни в геенне, и она стала противоречить клеветникам: «Как могут эти люди есть детей, если им запрещено есть кровь даже неразумных животных?» После этого она заявила, что она христианка. Ее причислили к мученикам.

(27) Стойкость мучеников, руководимых Христом, обессилила эти тиранические наказания, и диавол измыслил другие козни: заключение в мрачные, очень суровые тюрьмы, растягивание ног на деревянной доске до пятой дыры и прочие мучения, которым злые слуги диавола, исполненные его духа, обычно подвергают заключенных. Многие умерли, задыхнувшись в тюрьме, — именно те, которых Господь пожелал освободить таким образом, являя Свою славу. (28) Другие, терпевшие такие горькие муки, что, казалось, они не смогут выжить даже при самом тщательном уходе, продолжали жить в тюрьме: без всякой людской заботы, укрепленные от Господа душевно и телесно, они и других уговаривали и утешали. А новички, только что схваченные, еще не знакомые с телесными страданиями, не выносили тяжести заключения и умирали в тюрьме.

(29) Епископское служение в Лугдуне было вверено блаженному Пофину. Было ему за 90, телесно он очень слаб, с трудом дышал по причине телесной слабости, но был укреплен духом ревности и гоним жадной мученичества. Он сам повлекся к судье, изможденный телом и от старости, и от болезни, но соблюдающий в себе душу, дабы через нее торжествовал Христос. Воины подвели его к судье; их сопровождали городские власти и огромная толпа, вопившая на все лады так, словно он Сам Христос. Исповедание его было прекрасно. (31) На вопрос легата, что это за Бог у христиан, он ответил: «Будешь достоин — узнаешь». Тогда его безжалостно поволокли, всячески осыпая ударами. Стоявшие рядом, не уважая его старости, били его руками и пинали ногами; находившиеся подальше швыряли всем, что попадало под руку: все считали преступным нечестием отстать в этом грубом издевательствах; думали, что таким образом они мстят за своих богов. Пофина, едва дышавшего, бросили в тюрьму, и через два дня он испустил дух. (32) И тут проявилась великая попечительность Господня и обнаружилось безмерное милосердие Иисусово, редкое даже для нашего братства, но отвечающее Христову замыслу. (33) Схваченные первоначально и отрекшиеся все равно содержались в заключении и были тоже пытаемы. В то время отречение было бесполезно, и объявившие себя тем, чем они и были, были посажены как христиане и ни в чем другом их не обвиняли; этих же держали как убийц

и развратников, и по сравнению с остальными наказаны они были вдвойне. (34) Радость мученичества, надежда на обещанную награду, любовь ко Христу, дух Отчий — все это облегчало участь исповедников; зато отрехшихся сильно мучила совесть: когда узников выводили, то их сразу можно было отличить по виду. (35) Исповедники шли веселые; на их лицах была печать благодати и славы; оковы казались достойным украшением — так идет невесте одежда с золотым шитьем. От них исходило благоухание Христово; некоторые даже думали, что они умащаются миром; отрехшиеся шли понурые, приниженные, всякое благообразие было ими утрачено; к тому же язычники оскорбляли их, как низких трусов, обвиняли в человекоубийстве; они утратили почетное, славное, животворящее имя. Видя это, и остальные укреплялись; схваченные, не сомневаясь, произносили свое исповедание, не раздумывая над диавольскими доводами».

(36) Сказав тут еще кое о чем, они продолжают:

«Мученичество их кончалось разной смертью: венок, сплетенный из всевозможных цветов разной окраски, поднесли они Отцу. Им, благородным борцам, одержавшим в разных состязаниях великую победу, надлежало получить венец бессмертия.

(37) Матура, Санкта, Бландину и Аттала бросили в амфитеатре зверям и языческой бесчеловечности, как зрелище; ради наших был назначен особый день травли. (39) Матур и Санкт вновь прошли в амфитеатре через все мучения, будто раньше вообще ничего не претерпели; вернее, как уже одолевшие противника во многих схватках и ведущие борьбу за самый венок, они перенесли опять принятый в тех местах переход от бичевания к бросанию зверям и вообще всё, что со всех сторон требовал обезумевший народ. Их, наконец, посадили на железное кресло; чад от поджариваемых тел окутал их. (39) Язычники не унимались и бесновались еще больше, желая победить их выдержку, но ничего не услышали от Санкта, кроме тех слов, в которых он с самого начала привик излагать свою исповедь. (40) Так как мученики в этом длительном состязании по большей части оставались живы, то в конце концов их прикололи. В течение этого дня вместо пестрого разнообразия звериной травли зрелищем служили только мы.

(41) Бландину решено было подвесить к столбу на съедение зверям. Вид ее, словно распятой на кресте, ее горячая молитва внушали много рвения состязавшимся: благодаря сестре телесными глазами увидели они Распятого за нас; да убедятся уверовавшие в Него, что каждый пострадавший за Христа находится в вечном общении с Богом живым. (42) Так как ни один зверь не прикоснулся к Бландине, то ее сняли со столба и опять отправили в тюрьму. Она сохранялась для другого состязания: да одержит победу во многих схватках и сделает неизбежным осуждение коварного змея; да одушевит братьев она, маленькая и слабая, ничтожная — и великий непобедимый борец за Христа, одолевшая врага во многих схватках и за эту борьбу увенчанная венцом бессмертия.

(43) Чернь настойчиво требовала казни Аттала (он был человеком известным). Он вышел, готовый к борьбе: совесть его была чиста, он по-настоящему был наставлен в христианском учении и всегда свидетельствовал у нас об истине. (44) Его обвели кругом амфитеатра; впереди несли дощечку с латинской надписью: «Это Аттал — христианин». Хотя народ и кипел от ненависти к нему, но легат, узнав, что он римский граж-

данин, приказал держать его вместе с остальными в тюрьме, о которых он послал письмо кесарю: он ждал решения.

(45) А пока что время для них не шло праздно и бесплодно; за их терпение явлено им было безмерное милосердие Христово: живые оживили мертвых, мученики простили отречшихся и великая радость была у Девы-Матери⁷, принявшей живыми мертвых выкидышей. (46) Благодаря исповедникам большинство отступников вернулось к вере, зачало новые плоды, загорелось и выучилось исповеданию. Ожившие, полные сил подходили они к кафедре для нового допроса, и радовался Господь, не желающий смерти грешника, милостивый к кающимся.

(47) От кесаря пришел ответ: исповедников мучить; кто отречется, тех отпустить. Как раз начиналось Собрание провинциалов (очень многочисленное, так как на него сходятся ото всех племен)⁸, и легат превратил выход мучеников к трибуне в театральное зрелище для толпы. Тут он опять их допрашивал: римским гражданам велел отрубить головы, а остальных бросить зверям.

(48) Прославили Христа, вопреки ожиданию язычников, недавние отступники. Их допрашивали каждого особо, обещая освобождение, но они исповедали свою веру и были причислены к мученикам. В стороне остались те, в ком не было и следа веры, кто не понимал, что значит брачная одежда, и не имел страха Божия. Сыны погибели, они самим отречением произнесли хулу на Путь; все остальные объединились с Церковью.

(49) При допросе присутствовал некий Александр, фригиец родом, врач. Он много лет жил в Галлии и почти всем был известен своей любовью к Богу и смелостью своей речи (не был обделен и апостольским даром). Стоя у трибуны, он знаками поощрял исповедников; стоявшим кругом казалось, что он в родовых схватках, (50) и чернь, раздраженная тем, что недавние отступники стали исповедниками, стала вопить, что это дело Александра. Легат подозвал его и стал допрашивать, кто он, и, обозлившись на его ответ: «Христианин», осудил на съедение зверям. На следующий день он вышел на арену вместе с Атталом, и легат, в угоду черни, и Аттала отдал зверям. (51) В амфитеатре они испытали на себе все орудия, придуманные для пыток, и выдержали великое состязание; наконец, их прикололи. Александр не издал ни слова, ни звука: сердце его было с Богом. (52) Аттал, когда его посадили на железное раскаленное кресло и от его тела пошел запах жареного, сказал, обращаясь к толпе, по-латыни: «Это вот и есть поедание людей — то, что вы делаете, а мы не едим людей и вообще не делаем ничего дурного». Когда его спросили об имени Бога, он ответил: «Бог не имеет имени, подобно человеку».

(53) После всего, в последний день травли, вывели опять Бландину с Понтиком, мальчиком лет пятнадцати. Их приводили каждый день поглядеть на мучения других и заставляли поклясться именем языческих идолов — они пребывали в пренебрежительном спокойствии. Толпа озверела; не пожалели ребенка, не устыдились женщины: (54) их обрекли на все пытки, провели по всему их кругу, неизменно заставляли поклясться, но ничего не добились. Понтика ободряла сестра: язычники видели, как она убеждала и укрепляла брата. Он, мужественно выдержав все мучения, испустил дух.

(55) А блаженная Бландина, последняя из всех, убеждавшая, как

благородная мать, своих детей и проводившая их, победителей, к Царю, прошла через все страдания своих детей и поспешила к ним, ликуя о своем отходе и радуясь ему, словно приглашенная на брачный пир, а не брошенная на съедение зверям. (56) После бичей, встречи со зверями, раскаленной сковороды ее, наконец, посадили в ивовую корзину и бросили быку. Животное долго подбрасывало ее, но она уже ничего не чувствовала в надежде обетованного и в общении со Христом. Ее тоже приколотли. Сами язычники сознавались, что у них ни одна женщина не смогла бы выдержать столько таких мучений.

(57) Их безумие и жестокость к святым и тут не насытились. Свирепые варварские племена, растревоженные лютым зверем⁹, с трудом успокаиваются. Они придумали нечто новое, свое: стали издеваться над мертвыми телами. (58) Лишенные человеческой способности рассуждать, они не устыдились своего поражения, но, как звери, еще больше распалились гневом; и легат, и народ испытывали одинаковую и несправедливую ненависть к нам, да исполнится Писание: «Неправедный пусть еще делает неправду, и святой да освящается еще». (59) Тела задохнувшихся в тюрьме выбросили собакам и старательно охраняли днем и ночью, чтобы никто из наших не похоронил их. Выбросили то, что осталось от огня и звериных зубов; истерзанные, обугленные куски, а также головы и обрубки туловищ — все это много дней подряд оставалось без погребения и охранялось с воинской старательностью. (60) Одни при виде этих останков злобно скрежетали зубами, ища, чем бы еще отомстить; другие, смеясь, издевались, восхваляли своих идолов и приписывали им наказание христиан. Люди более мягкие, склонные до некоторой степени к состраданию, укоряли нас, говоря: «Где же их Бог? Какая им польза от их веры, за которую они отдали жизнь?» (61) Так по-разному отнеслись к нам люди, мы же пребывали в великой печали, ибо не могли тела их предать земле. И ночь не приходила на помощь, и деньги не убеждали, и мольбы не трогали: останки мучеников всячески охраняли, словно в расчете на большую выгоду от того, что не будет у них могил».

(62) Затем, между прочим, говорят они следующее:

«Тела мучеников, всячески поруганные в поучение всем, оставались шесть дней под открытым небом, затем беззаконники их сожгли и смели пепел в реку Родан, протекающую поблизости,¹ чтобы ничего от них на земле не оставалось. (62) Они это делали в расчете победить Бога и отнять у них возрождение. (63) Они так и говорили: «Чтобы и надежды у них не было на воскресение, поверив в которое, они вводят странную новую веру, презирают пытки и готовы с радостью идти на смерть. Посмотрим, воскреснут ли они и сможет ли их Бог помочь им и вырвать из наших рук».

2

Все это случилось в христианских Церквах при упомянутом императоре. По этим событиям можно разумно заключить о том, что делалось в остальных провинциях¹⁰. Стоит добавить из этого же письма дословный рассказ о доброте и человеколюбии упомянутых мучеников:

(2) «Столь ревностно подражали они Христу, Который, «будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу», что столь прославленные не раз и не два, а многократно мучимые, бросаемые зверям и возвращаемые в тюрьму, все в ожогах, рубцах и ранах, они не только

сами не объявляли себя мучениками, но запрещали нам их так называть, и, если кто в письме или разговоре обращался к ним: «мученики», они горько его упрекали. (3) Они охотно отдавали звание мученика Христу, верному, истинному Мученику, первенцу из мертвых, владыке жизни в Боге; вспоминали уже отошедших мучеников и говорили: «вот они, мученики: Христос удостоил принять их при исповедании, запечатлев смертью их свидетельство, а мы просто исповедники ничтожные». И они со слезами просили братьев усиленно молиться, чтобы им устоять до конца. (4) Они на деле показали силу мученичества: смело разговаривали с язычниками; их терпение, бесстрашие, твердость показали благородство их душ; исполненные страха Божия, они просили братьев мучениками их не называть».

(5) Немного спустя продолжают:

«Они смиренно склонялись под мощной рукой, которая теперь высоко вознесла их. Тогда они всех защищали и никого не обвинили; развязали всех, никого не связали. Молились за палачей, как Стефан мученик, достигший совершенства: «Господи! не вмени им греха сего». Если он молился за побивающих его камнями, то насколько же больше за братьев?»

(6) Затем, между прочим, говорят:

«Любовь их была настоящей, и потому шла у них великая война с дьяволом: они хотели так сдуть ему глотку, чтобы он изверг из себя еще живыми тех, кого собрался целиком поглотить. Они не превозносились над падшими; по материнскому милосердию своему уделяли нуждающимся от своего избытка и, проливая за них обильные слезы перед Отцом, просили даровать им жизнь, и Он давал ее; (7) они отдавали ее ближним и, победив всё, отходили к Богу. Они всегда любили мир, мир завещали нам, с миром ушли к Богу. Матери не оставили забот и братьям не раздор и вражду, а радость, мир, единомыслие и любовь».

(8) Рассказ о любви тех блаженных мучеников к падшим братьям да послужит на пользу тем, кто потом так бесчеловечно и безжалостно обходился с этими членами Христовыми.

3

В том же писании о вышеназванных мучениках имеется и другой достопамятный рассказ, с которым стоит познакомиться будущих читателей. Вот он:

(2) «Алкивиад, один из них, жил жизнью суровой и ничего прежде не употреблял в пищу, кроме хлеба и воды. Он пытался и в тюрьме вести себя так же, но Атталу после первого выдержанного им в амфитреатре состязания было открыто, что Алкивиад поступает нехорошо, отказываясь от того, что создал Бог, и подавая повод к соблазну. (3) Алкивиад послушался, стал есть всё, не разбирая и благодаря Бога. Мучеников никогда не оставляла благодать Божия, и Дух Святой был им советником». Тут и всё.

(4) Последователи Монтана, Алкивиада¹¹ и Феодота во Фригии только-только заговорили тогда на людях о своих прорицаниях (так как очень много и других чудес еще до того времени совершалось по Божией благодати в разных церквах, то многие поверили и их пророческому дару). Возникли по этому поводу разногласия, и братья из Галлии, изложив собственное суждение, осторожное и вполне правое, извлекли еще

письма разных мучеников, у них скончавшихся, которые те, беспокоясь о мире церковном, находясь еще в оковах, писали братьям в Азии и Фригии, а также Елевферию, тогдашнему Римскому епископу.

4

Эти же мученики сообщили упомянутому Римскому епископу об Ирине, пресвитере лугдунском, сказав о нем много добрых слов, как это ясно из следующего:

(2) «Желаем тебе, отец Елевферий, радоваться в Боге сейчас и всегда. Мы попросили доставить тебе это письмо нашего брата и сообщника Ирины; просим тебя, будь к нему расположен: он ревностен к завету Христову. Если бы мы думали, что праведность доставляет человеку место, то мы поставили бы его, по его заслугам, первым среди пресвитеров церковных».

(3) Зачем приводить список мучеников из их послания? Одних обезглавили, других бросили на съедение зверям; некоторые успокоились в тюрьме. Незачем перечислять и выживших исповедников. Кто захочет, тот с исчерпывающей полнотой узнает об этом, взяв в руки эту запись, которую я, как говорил, вставил в свой «Сборник о мучениках». Такие события были при Антонине.

5

Рассказывают, что брат его, кесарь Марк Аврелий, перед сражением с германцами и сарматами оказался в безвыходном положении, так как войско его обессилело от жажды. Воины так называемого Мелитинского легиона с верой, которая с того времени и доньше поддерживала их в сражениях с неприятелем, опустились, по нашему молитвенному обыкновению, на колени и обратились с мольбой к Богу. (2) Зрелище для врагов было удивительное, но то, что, по рассказу, постигло их тут же, было еще удивительнее: страшная гроза обратила врагов в бегство и погубила их; ливень, хлынувший на воззвавших к Богу, восстановил силы всего войска, бывшего на краю гибели. (3) Рассказ об этом есть и у писателей, далеких от нашей веры, но излагающих те же события; есть и у наших. Историки со стороны признают чудо, но, в нашей вере ничего не понимая, отрицают, что оно произошло по нашим молитвам. Наши, сроднившиеся с истиной, передают факты просто и бесхитростно. (4) Один из них, Аполлинарий, говорит, что легион, по молитве которого произошло чудо, получил от императора наименование, которое по-латыни означает «молниеносный». (5) Свидетельствует об этом и почтенный Тертуллиан, обратившийся к римскому сенату с апологией нашей веры, уже упомянутой. Он передает этот рассказ, подтверждая его доказательствами более сильными и убедительными; (6) по его словам, до сих пор ходят письма Марка, императора весьма разумного, в которых он свидетельствует, что его войско в Германии почти погибло без воды и спаслось молитвами христиан. По его словам, император грозил смертью нашим обвинителям. (7) Заключает Тертуллиан такими словами: «Что это за законы, которые применяют против нас только безбожные, жестокие правители? Их не соблюдал Веспасиан, хоть и победитель иудеев; частично зачеркнул их Траян, запрещая разыскивать христиан; их не подтвердили ни Адриан, который вмешивался во всё, ни император, прозванный «Благочестивым». Пусть думает об этом кто как хочет.

(8) Перейдем к последующим событиям. Когда Пофин на 90-м году жизни скончался, а с ним и галльские мученики, то преемником Пофина, управлявшего Лугдунской Церковью, стал Иринея. Мы узнали, что в юности он слушал Поликарпа. (9) В третьей книге своего сочинения «Против ересей» он дает список Римских епископов, преемственно сменявших друг друга, и доводит его до Елевферия, время которого мы описываем. В своем сочинении, написанном в его епископство, он и помещает этот список. Он пишет так:

6

«Блаженные апостолы, основав и устроив Церковь, вручили епископское служение Лину; об этом Лине апостол Павел вспоминает в Посланиях к Тимофею. (2) Преемником его был Анаклет; третьим после апостолов получил жребий епископства Климент: он видел блаженных апостолов и беседовал с ними; в ушах его звучала апостольская проповедь: он перед глазами имел их предание. И не он один: тогда еще оставалось много учеников апостольских. (3) При этом Клименте в Коринфе возникло между братьями большое несогласие, и Римская Церковь послала коринфянам убедительные письма, понуждая их к миру, оживляя их веру и напоминая о предании, которое они только что получили от апостолов».

Немного ниже он говорит:

(4) «Преемником Климента был Еварест, а преемником Евареста — Александр; шестым после апостолов поставлен Ксисст; после него был Телесфор, со славой, как мученик, скончавшийся. За ним был Игин, потом Пий, после него — Аникита. Преемником Аникиты был Сотир, а теперь двенадцатым после апостолов получил жребий епископства Елевферий. (5) В таком порядке и при такой преемственной передаче дошли до нас апостольское предание и проповедь истины».

7

Иринея в согласии с тем, о чем мы рассказывали раньше, во второй книге (их всего пять) своего сочинения, озаглавленного «Обличение и низвержение лжеименного знания», говорит, что до его времени в некоторых церквах зримо оставалась Божия сила чудотворения:

(2) «Они¹² не могут воскресить мертвого, как воскрешали Господь и апостолы своей молитвою или как часто случалось, что когда среди братьев возникала нужда, да вся поместная Церковь пребывала в посте и усиленной молитве, и душа умершего возвращалась: человек был дарован по молитвам святых».

И дальше, между прочим:

(3) «Если скажут, что чудеса Господни были мнимыми, то поведем их к пророкам и, основываясь на их книгах, покажем, что всё о Нем, как было предсказано, так действительно и произошло и что Он есть единственный Сын Божий. Поэтому истинные ученики Его, получившие от Него благодать, совершают Его дела благие — разные, смотря по тому, кто какой дар получил от Него. (4) Одни изгоняют демонов действительно и надежно, и часто, очистившись от злых духов, люди становятся верующими членами Церкви; другие предвидят будущее, имеют видения и пророчествуют; иные лечат больных и, возлагая на них руки, возвращают им здоровье; даже, как мы говорили, они воскрешали умерших, и те долго жили с ними. (5) Нельзя и перечислить все дары, которые Цер-

ковь во всем мире получает от Бога во имя Иисуса Христа, распятого при Понтии Пилате, и ежедневно изливает их на благо язычников, никого не обманывая и ни на ком не наживаясь: даром получила от Бога, даром и служит».

(6) В другом месте он же пишет:

«Как мы и слышали от многих, есть в Церкви много братьев, имеющих дар пророчества и говорящих на разных языках по наитию Духа; они обнаруживают к пользе сокровенные людские помыслы, а также изъясняют Божественные тайны».

Вот рассказ о том, что и до сих пор разные дары есть у достойных.

8

В начале нашего сочинения мы обещали привести к месту мнения древних пресвитеров и церковных писателей относительно дошедших по преданию канонических книг. Одним из этих писателей был Иринея; мы приведем его слова — (2) прежде всего то, что касается святых Евангелий:

«Матфей дал евреям Евангелие, написанное на их родном языке, как раз в то время, когда Петр и Павел проповедовали в Риме и основывали Церковь. (3) После их смерти Марк, ученик и переводчик Петра, передал нам записанную им проповедь Петра. Лука, спутник Павла, поместил в книге Евангелие, им проповеданное. (4) Затем Иоанн, ученик Господа, возлежавший у Него на груди, написал Евангелие, живя в Азии, в Ефесе».

(5) Это сказано Иринеем в третьей книге упомянутого произведения, а в пятой он так рассуждает об Откровении Иоанна и о числе имени антихриста: «Так обстоит дело; во всех тщательно сделанных древних списках приведено то же число; оно засвидетельствовано теми, кто лично видел Иоанна, да и разум говорит нам, что число имени зверя дано в буквах его имени по числовому их значению у эллинов».

(6) И ниже говорит о том же:

«Мы боимся сказать что-либо точное об имени антихриста. Если бы нужно было сейчас открыто провозгласить его имя, то его назвал бы тот, кому было Откровение. Оно ведь было дано недавно, почти при нас, к концу правления Домициана».

(7) Вот что сообщил об Откровении Иринея. Упоминает он и первое Послание Иоанна и приводит оттуда много свидетельств, так же, как из первого Послания Петра. Он не только знал, но и принимал¹³ книгу «Пастырь». Он говорит: «Хорошо говорит Писание: прежде всего веруй, что Бог един, что Он все создал и все привел в порядок».

(8) Приводит он почти дословно некоторые изречения из Премудрости Соломона: «Созерцание Бога делает человека недоступным греху, а эта недоступность приближает его к Богу».

Вспоминает он и писания некоего пресвитера, мужа апостольского, по имени его не называя, но приводя его объяснение Божественного Писания. (9) Упоминает также Иустина Мученика и Игнатия, пользуется свидетельствами из их писаний и обещает тщательно заняться в особой работе опровержением Маркиона на основании его же собственных книг.

(10) Послушай его дословное сообщение о переводе богодухновенных Писаний семьдесятю толковниками:

«Бог стал человеком, и Сам Господь спас нас, выбрав в знамение этого Деву. Некоторые из нынешних, например, Феодотион Ефесский и Акила с Понта, оба прозелиты из иудеев, осмеливаются перетолковывать слова: «отроковица во чреве зачнет и родит сына» в том смысле, что Христос родился от Иосифа. Последователями их являются эвиониты».

(11) Немного спустя он продолжает:

«Еще до римского владычества, когда Асия была во власти македонян, Птолемей, сын Лага, горя желанием украсить основанную им в Александрии библиотеку самыми совершенными произведениями всех народов, попросил у жителей Иерусалима их книг, переведенных на язык эллинов.

(12) Евреи, бывшие тогда подданными Македонии, отправили к Птолемею семьдесят старцев, прекрасное знание и Писание, и оба языка, — Господь творил Свою волю. (13) Птолемей пожелал подвергнуть их испытанию: боясь, как бы они, сговорившись, не утаили в переводе истинный смысл Писания, он поместил каждого отдельно от других и велел всем делать тот же самый перевод, причем всех книг.

(14) Когда переводчики собрались у Птолемея и стали сравнивать свои переводы, то прославлен был Господь и Писание признано воистину Божественным: у всех одни и те же мысли были выражены в одних и тех же словах — с самого начала и до конца. Бывшие при этом язычники поняли, что книги переводились по внушению Божьему. (15) Нет ничего удивительного, что Бог сотворил это чудо: когда в Навуходоносорово пленение Писание было искажено и спустя 70 лет евреи вернулись в родную страну, то уже во время Артаксеркса, царя Персидского, Господь внушил Ездру, священнику из колена Левиева, воссоздать все слова древних профетов и восстановить Моисеево законодательство».

Вот что сообщает Ириной.

9

Царствование Антонина длилось 19 лет, власть от него принял Коммод¹⁴. В первый же год его правления, по смерти Агриппина, 12 лет несшего епископское служение в Александрии, епископство принял Юлиан.

10

В это время там обучением верующих руководил человек, известный своей образованностью, по имени Пантен. По древнему обычаю, в Александрии имеется училище, где преподается Священное Писание. Оно существует и доныне, и мы слышали, что им ведают люди, сильные в слове и ревностные в изучении Божественного. В то время, говорят, особенно блистал упомянутый муж, воспитанный в правилах стоической философии. (2) Он, по рассказам, проявил такое горячее рвение к слову Божию, что явился смелым проповедником Христова Евангелия у язычников на Востоке и доходил даже до земли индийцев. Многие, да, многие возвещали тогда слово евангельское; по внушению Господню, подражали они апостолам, распространяя слово Божие и наставляя в нем. (3) Пантен, один из таких, доходил до индийцев и, говорят, нашел у местных жителей, познавших Христа, принесенное к ним еще до его прибытия Евангелие от Матфея. Христа проповедовал им Варфоломей, один из апостолов; он оставил им Евангелие от Матфея, написанное еврейскими буквами; оно сохраняется и доныне. (4) Пантен многое улучшил в александрийском

училище; он руководил им до смерти, поясняя и письменно, и в живой беседе сокровища Божественных догматов.

11

В это же время в Александрии известен был Климент, изучавший Святое Писание. Он был тезкой Римского епископа, которого считали учеником апостольским. (2) В своих «Очерках» он как своего учителя называет Пантена по имени и в первой книге «Стромат», по-моему, прикровенно перечисляя наиболее известных преемников апостольских, в учении которых был наставлен, говорит: (3) «Книга эта написана без ухищрений и не для людей; я собрал себе под старость сокровище воспоминаний— это средство от забвения: словно тени, проходят передо мной безыскусственно начертанные образы людей, живых и ярких. чьи слова я удостоился слушать, блаженных мужей, которые сами достойны слова. (4) Один из них был ионийцем, другой происходил из Великой Греции, третий— сириец из Келесирии; был один из Египта, были с Востока; один— из Ассирии, другой, еврей,— из Палестины. Последним я случайно встретил первого по силе и на нем успокоился; я выследил его, скрывавшегося в Египте. (5) Они хранили святое учение, в точности переданное им Петром, Иаковом, Иоанном и Павлом, принимая его от святых апостолов, как сыновья от отца (немногие дети похожи на своих отцов); слава Богу, дожили они до нас, чтобы вложить в нас эти прадедовские и апостольские семена.

12

При них в Иерусалимской Церкви епископом был известный Наркисс, который известен многим и доныне. Он был пятнадцатым, считая от войны с иудеями при Адриане. Мы говорили уже, что с этого времени тамошняя Церковь впервые составила из язычников (до того состояла из обрезанных) и первым епископом из язычников был Марк. (2) После него в списке епископов, преемственно сменявших друг друга, стоят: Кассиан, за ним Публий, потом Максим, за ними Юлиан, потом Гай, потом Симмах, потом другой Гай, опять другой Юлиан, Капитон, за ними Валент и Долихиан и после всех Наркисс, тридцатый по преемству от апостолов.

13

В это время Родон, уроженец Азии, учившийся в Риме, как он сам говорит, у Татиана (с которым мы уже познакомились), писал разные книги и вместе с другими восстал на Маркианову ересь. Он рассказывает, что в его время в ней возникли разные направления, опровергает ложные выдумки и тщательно характеризует виновников этого разделения. Послушай его самого:

(2) «Они потому и не согласны между собой, что защищают учение несостоятельное. Апеллес из того же стада, уважаемый и за свой образ жизни, и за старость, признаёт единое начало, но пророчества, по его мнению, исходят от вражеского духа, в чем его убедили изречения одержимой демоном девицы Филумены. (3) Другие, как и сам кормчий Маркион, вводят два начала; к ним относятся Потит и Василиск. (4) Они, идя по пятам за понтийским волком, и не различая, как и он, природы вещей, свернули на путь легкий и заявили о существовании двух начал

просто и бездоказательно; других снесло к еще худшему: они принимают существование не двух, а трех природ. Их глава и вождь — Синерос, как утверждают восхваляющие его школу».

(5) Пишет он и о том, какие беседы вел с Апеллесом:

«Старец Апеллес общался с нами, и мы часто уличали его в нелепостях. Поэтому он стал говорить, что вообще не надо исследовать Писание: пусть каждый остается при своей вере. Он утверждал, что надеющиеся на Распятого спасутся, но только если делали добрые дела. Самыми темными в его учении были его рассуждения о Боге (мы об этом говорили). Так же, как и мы, он признавал единое начало».

(6) Затем, целиком изложив мнения Апеллеса, Родон говорит:

«Когда я ему говорил: «Откуда у тебя доказательства? Как ты можешь говорить, что есть единое начало? Скажи!», он говорил, что пророчества сами избличают себя и что в них нет ни слова правды: они между собой не согласны, лживы и противоречат одно другому. А что есть одно начало, он, по его словам, этого не знает, а только его влечет к этой мысли. (7) Я заклинал его сказать мне правду, и он поклялся в правдивости своих слов: он не понимает, как это есть единый нерожденный Бог, но верует в Него. Я засмеялся и укорил его, что он, называя себя учителем, не знает, как доказать то, чему учит».

(8) В том же сочинении, обращаясь к Каллистиону, Родон рассказывает, что учился в Риме у Татиана, который, по его словам, трудился над книгой под заглавием «Спорные вопросы»; хотя он и обещал объяснить в ней темное и сокровенное в Священном Писании, но Родон объявляет, что разрешение этих вопросов он предложит в собственной книге. Приписывают ему и толкование на шесть дней творения.

(9) Этот же Апеллес тысячами кощунственных слов поносил Моисеев закон; во множестве книг с великим усердием хулил Писание и, как ему казалось, избличал его и изничтожал. Об этом довольно.

14

Враг Церкви Божией, ненавистник прекрасного и любитель зла, не упускающий ни одного способа строить козни людям, потрудился над возникновением ересей, странных и враждебных Церкви. Одни из еретиков, словно ядовитые змеи, ползали по Азии и Фригии, провозглашая Монтана утешителем, а его приспешниц, Прискиллу и Максимиалу, — пророчицами.

15

В Риме были сильны другие: во главе их стоял Флорин, лишенный священства. Заодно с ним был и Власт, впавший в подобное же заблуждение. Они многих увели из Церкви, завлекши в свое учение; оба, каждый по-своему, искажали истину новыми выдумками.

16

Против так называемой фригийской ереси встал строй защитников истины — оплот крепкий и необоримый: Аполлинарий из Иераполя, о котором мы упоминали раньше, и много ученых мужей, его современников. От них дошло до нас много важных сведений для нашей истории. (2) Один из них в начале своего сочинения против Монтана сообщает, что он и устно избличал еретиков. Вот его вступление:

(3) «С очень давнего времени велишь ты мне, дорогой Авиркий Маркелл, написать книгу против так называемой Мильтинадовой ереси. Я до нынешнего дня всё откладывал — не по бессилию изболочить ложь и свидетельствовать об истине, но опасливо остерегаясь, не показалось бы кому, что я вписал что-то новое в Евангелие Нового Завета и что-то там переставлял; желающий жить по Евангелию не смеет ведь ничего ни убавить, ни прибавить».

(4) Недавно я был в Галатии, в Анкире, и застал местную Церковь почти оглохшей от этих новых, как они говорят, пророчеств, вернее, как будет показано, лжепророчеств. Я по возможности, с помощью Божией, много дней рассуждал в Церкви об этих людях и о предложенных мне вопросах. Церковь ликовала и укреплялась в истине; противники в это время были отброшены; враги опечалились. (5) Местные пресвитеры просили меня в присутствии сопровитера нашего Зотика из Отрии оставить им записи моих возражений врагам истины. Мы этого не сделали. Но пообещали, Бог даст, тщательно их изложить дома и отослать им».

(6) Сделав несколько подобных замечаний в начале книги, он так рассказывает о причине возникновения этой ереси:

«Новая ересь, вызвавшая раскол в Церкви, возникла вот почему. (7) Есть в Мизии, на границе с Фригией, деревня Ардава. Говорят, что некий Монтан, из местных новообращенных (было это при Грате, проконсуле Асии), в безмерной страсти к первенству дал врагу войти в себя; одушевляемый им, придя внезапно в исступление, он начинал говорить нечто странное, пророчествуя вопреки обычаю Церкви, издавна и преемственно хранимому. (8) Из тех, кому довелось в то время слушать его незаконные выкрики, одни возмущались, считая, что он одержим демоном, находится во власти духа заблуждения и приводит в смятение народ; его корили и не позволяли ему говорить, памятуя, что Господь учил различать духов и бдительно остерегаться появления лжепророков; другие, наоборот, словно гордясь и немало тщеславясь Духом Святым и пророческим даром, забыли о Господнем велении различать духов: они призвали этого духа безумия, лживого, вводящего народ в заблуждение; прельщенные им, они сбились с правого пути до того, что их невозможно было заставить молчать».

(9) Дьявол, замыслив, вернее, злоумыслив гибель ему непослушных и не чтивших его по достоинству, тайком возбуждал и разжигал их мысль, уснувшую для истинной веры. Он взволновал двух женщин, исполнил их своего лживого духа, и они, подобно Монтану, стали говорить бессмысленно, неуместно и странно. Тех, кто радовался и гордился этим, дух объявлял блаженными и надмевал величием обещаний. Иногда, однако, догадавшись, он бросал им прямо в лицо убедительные обвинения, желал показать себя и обличителем (обманутых во Фригии оказалось мало). Этот мятежный дух учил хуле на всю существующую под небом Церковь: его лживые пророчества были ею презрительно отвергнуты. (10) Асийские верующие стали часто и во многих местах собираться и рассматривать новое учение: его объявили нечистым и отвергли ересь, отлучив ее последователей от Церкви и запретив им общение с нею».

(11) Рассказав об этом в начале и на протяжении всей книги, изболочая их заблуждения, он во второй книге так говорит о смерти вышеупомянутых людей:

(12) «Они называли нас убийцами пророков, потому что мы не при-

няли их, не в меру болтливых пророков (это Господь, говорят они, обещал их послать народу). Пусть же они ответят нам перед Богом: есть ли из последователей Монтана, начиная с него и тех женщин, хоть кто-то, кого иудеи преследовали или беззаконники убили? Никого. Кто из них был взят и распят за имя христианина? Опять же никто. Была ли хоть одна из их женщин бичуема в синагогах иудейских или побита камнями? Нигде и никогда. (13) Другой смертью, говорят, погибли Монтан и Максимила. Оба они, гонимые духом безумия, повесились, но не вместе. Много говорили о конце каждого: умерли они, оборвав свою жизнь, как Иуда предатель. (14) Общая молва утверждает, что их дивный Феодот, бывший как бы первым покровителем их «пророчеств», будучи вне себя, вверился духу лжи, пообещавшему поднять его от земли и взять на небо; низвергнувшись, он погиб жалкой смертью. Так, говорят, всё произошло. (15) Мы не были очевидцами; будем считать, дорогой, что это одни предположения. Может быть, так было, а может быть, и не так скончались Монтан, Феодот и упомянутая женщина».

(16) В этой же книге он пишет, что святые епископы попытались изобличить духа, бывшего в Максимила, но им помешали явные сотрудники этого духа. (17) Он пишет так:

«Пусть не говорит дух через Максимила (это в той же книге Астерия Урбана): «Меня гонят, как волка из овечьей отары. Я не волк — я слово, дух и сила». Пусть покажет ясно силу в духе, подвергнется испытанию, пусть своим духом заставит епископов, Зотика из Команской деревни и Юлиана из Апамеи, мужей испытанных, которые тогда присутствовали ради испытания и беседы с говорящим в ней духом, признать его. Фемисон и его сторонники закрыли им рот и не позволили изобличить духа лжи и заблуждения».

(18) В этой же книге он указывает и время ее написания; изобличая лжепророчества Максимила, вспоминает ее предсказания будущих войн и переворотов и показывает их лживость.

(19) «Ужели не очевидна сейчас эта ложь? Больше 13 лет прошло от смерти этой женщины и до нынешнего дня, а войн нет ни во всем мире, ни в каком-то одном его углу. И христианам, по милости Божией, дарован длительный мир».

(20) Это из второй книги. Из третьей мы приведем небольшую выдержку: его ответ еретикам, хвалившимся, будто у них много мучеников:

«Опровергнутые по всем статьям, не зная, что возразить, они пытаются прибегнуть к мученикам и говорят, что у них много мучеников, а это, несомненно, свидетельствует о силе их «пророческого» духа. Это вовсе неверно. (21) Есть много мучеников и в других ересьях, но мы по этой причине не придем с ними в согласие и не сочтем их обладателями истины. Маркиониты, названные так по маркионовой ереси, первые скажут, что у них много мучеников Христовых, но ведь Самого Христа не исповедуют истинно».

Немного ниже он продолжает:

(22) «Поэтому, если члены Церкви, призванные к мученичеству за истинную веру, встречаются с так называемыми «мучениками», последователями фригийской ереси, они держатся особо и умирают, не входя с ними в общение: они не хотят признавать духа, говорившего через Монтана и тех женщин. А что это правда, явствует из того, что случилось в наше время в Апаmee на Меандре с мучениками Гаем и Александром из Евменин».

В этом же произведении он вспоминает и Мильтиада, тоже писавшего против этой ереси. Приведя некоторые слова еретиков, он продолжает:

«Я нашел это в некоем их произведении и привожу, сокращая, их возражения брату Мильтиаду, который доказывает, что пророк не должен говорить в исступлении».

(2) Несколько ниже в этой самой книге он перечисляет новозаветных пророков, в том числе некую Аммию и Кодрата. Он говорит:

«Лжепророк находится в мнимом исступлении, с которым связано дерзкое бесстрашие. Он начинает со своевольного бреда, который превращается, как мы сказали, в невольное безумие. (3) Они не смогут указать ни одного ветхозаветного или новозаветного пророка, который исполнился бы Духа Божия таким образом; не смогут похвалиться ни Агавом, ни Иудой, ни Силой, ни дочерьми Филиппа, ни Аммией из Филадельфии, ни Кодратом и вообще никем, кто был бы к ним близок».

(4) Немного далее он говорит:

«Если, как они говорят, после Кодрата и Аммии Филадельфийской дар пророчества получили женщины, бывшие при Монтане, то пусть укажут тех, кто от Монтана и тех женщин принял этот дар. Апостол говорит, что дар пророчества должен быть во всей Церкви до последнего пришествия. Они не могут никого указать, хотя от смерти Максимиаллы идет уже четырнадцатый год».

(5) Вот что он пишет. Упомянутый им Мильтиад оставил нам и другие памятники своих прилежных занятий Священным Писанием, в том числе книгу против эллинов и другую, против иудеев: он особо рассматривает обе темы в двух книгах каждого из названных произведений. Направил он еще владыкам мира¹⁶ и апологию философии, которой следовал.

Аполлоний, церковный писатель, тоже написал книгу с изобличением так называемой фригийской ереси, бывшей еще тогда во Фригии в полной силе. Он написал особую книгу, где слово за словом показывает лживость их «пророчеств» и не щадит главарей ереси в рассказе об их жизни. Послушай, как он сам говорит о Монтане:

(2) «Что это за новый учитель, показывают его дела и учение. Именно он учил расторгать брак, устанавливал правила для постов; Пепузу и Тимий (маленькие фригийские города) называл Иерусалимом и хотел устраивать там собрания людей, отовсюду сошедшихся; он поставил сборщиков денег, прикрывал взятки именем приношений, платил жалование своим проповедникам, чтобы обжорство содействовало проповеди его учеников».

(3) Это вот о Монтане. Ниже он говорит о его пророчицах: «Эти первые пророчицы бросили своих мужей, только когда исполнились духа. Разве не лгали те, кто называл Прискиллу девой?»

(4) Дальше он говорит:

«Ты согласен, что все Писание запрещает пророку брать дары и деньги? А когда я вижу пророчицу, которая берет и золото, и серебро, и дорогие одежды, как мне от нее не отвернуться?»

(5) Несколько ниже он говорит об одном их исповеднике:

«Да и Фемисон был, конечно, прикрыт корыстолюбием: не желая терпеть мук исповедничества, он за большие деньги избавился от оков. Ему бы тут и почувствовать свое унижение, а он хвастливо объявил себя мучеником и осмелился, в подражание апостолу, составив соборное послание, поучать тех, кто верил правильнее его, завязывать пустые споры и хулить Господа, апостолов и Святую Церковь».

(6) Пишет он опять же и о другом человеке из числа тех, кого они почитают как мучеников:

«Чтобы не говорить о многих, пусть сама пророчица расскажет нам об Александре, называвшем себя мучеником, с которым она угощается, которому многие кланяются в ноги. Нам незачем говорить о его грабежах и прочих преступлениях, за которые он и понес наказание: записи об этом хранятся в государственном архиве. (7) Но кто кому прощает грехи? Пророк — грабежи мученику? Или мученик — корыстолюбие пророку? Сказано ведь Господом: «не берите с собой ни золота, ни серебра, ни двух одежд»: у них наоборот: они как раз нагрешили этим запретным стяжанием. Мы покажем, что их так называемые «пророки» и «мученики» попрошайничают не только у богатых, но и у бедняков, сирот и вдов. (8) Если они уверены в себе, пусть предстанут и дадут ответ, и если их уличат, то пусть хоть впрядь не грешат. Нужно проверить, какие плоды принес пророк; ибо дерево познается по плодам. (9) Желаящим познакомиться с Александром да будет известно, что он был осужден в Ефесе проконсулом Эмилием Фронтинном не за христианство, а за грабежи: он просто преступник. Прикрывая свою ложь именем Христа, он обманул местных верующих и был освобожден, но родной приход, откуда он был, его не принял, как вора. Желаящие получить сведения о нем имеют в своем распоряжении асийский государственный архив. (10) И пророк, много лет живущий с ним вместе, его не знает. Изобличая его, мы изобличаем самую природу пророка. Те же обвинения мы можем выдвинуть против многих; если осмелятся, пусть выдержат изобличение».

(11) В другом месте этого сочинения он говорит о тех, кем они гордятся как пророками:

«Если они утверждают, что их пророки не принимают даров, то пусть согласятся, что люди, в этом уличенные, пророками быть не могут. А мы представим тысячи доказательств того, что принимали. Необходимо проверить все плоды пророка. Скажи мне: пророк ходит в баню? пророк подводит глаза? пророк любит украшения? пророк играет в шахматы и кости? пророк дает деньги в рост? Пусть признаются: допустимо это или нет? А я докажу, что все это у них было».

(12) Этот самый Аполлоний в той же книге сообщает, что она написана сорок лет спустя после того, как Монтан взялся «пророчествовать». (13) Он же говорит, что Зотик, которого упоминает предыдущий писатель, узнав, что Максимиλλα объявила себя в Пепузе пророчицей, пытался изобличить действующего в ней духа, но ему помешали ее единомышленники.

Вспоминает он и Фрасея, одного из тогдашних мучеников. А еще говорит, будто есть предание, что Спаситель велел Своим апостолам двенадцать лет не покидать Иерусалима; он пользуется свидетельством из Иоаннова Откровения, рассказывает, что Иоанн силой Божией воскресил в Ефесе умершего. Он приводит разные доказательства, которыми полностью опроверг заблуждения названной ереси. Это рассказ Аполлония.

19

Книги Аполлинария против этой ереси упоминает Серапион, которого называют тогдашним епископом Антиохийской Церкви, преемником Максимиана. Вспоминает он и самого Аполлинария в письме к Карику и Понтику: изобличая в нем ту же ересь, он заключает так:

(2) «Дабы вы знали, что деятельность этого общества лжецов, имеющего себя «новым пророчеством», мерзостна братству нашему во всем мире, посылаю вам письмо Клавдия Аполлинария, блаженнейшего епископа Иерапольского в Азии».

(3) В этом же письме Серапиона имеются подписи разных епископов; один из них подписался так: «Аврелий Кирикий мученик, молюсь о вашем здравии». Другой так: «Элий Публий Юлий, епископ Девельта. Фракийской колонии. Жив Бог на небесах: хотел Сотас, блаженный епископ Анхиальский, изгнать демона из Прискиллы, но лицемеры ему не дали».

(4) В указанных писаниях имеются собственноручные подписи многих единомысленных им епископов.

Вот что написано против этих еретиков.

20

Против тех, кто портил в Риме здоровый церковный устав, разные письма писал Иринеи: одно озаглавлено «Власту о расколе», другое — «Флорину о единоначалии, или о том, что Бог не создал зла». Флорин, кажется, защищал мысль противоположную. Для него, влекомого к заблуждениям Валентина, написана Иринеем книга «О восьмерице», в которой он называет себя непосредственным преемником апостолов. (2) В конце этой книги мы нашли приятную заметку, которую не смогли не включить в эту свою работу:

«Заклинаю тебя, будущий переписчик этой книги, Господом нашим Иисусом Христом и славным пришествием Его, когда Он придет судить живых и мертвых: сравнивай с подлинником то, что будешь переписывать, и тщательно выправляй свой список по тому, с которого переписываешь. Перепиши также это заклятие и внеси его в свой список».

(3) Пусть слова эти послужат на пользу и нам: они приведены, дабы те древние, действительно святые мужи стали нам убедительным примером внимания и тщательности.

(4) В названном уже письме к Флорину Иринеи вспоминает о своем общении с Поликарпом:

«Эти мнения, Флорин, мягко говоря, созданы мыслью нездоровой. Эти мнения не согласны с Церковью; они ввергают в величайшее нечестие тех, кто их принял. Эти мнения никогда не осмеливались провозглашать даже еретики, стоящие вне Церкви. Этих мнений не сообщали тебе пресвитеры, наши предшественники, ученики апостольские. (5) Я еще мальчиком видел тебя в Нижней Азии у Поликарпа: ты блистал при дворе и старался отличаться. (6) Я помню тогдашние события лучше недавних (узнанное в детстве срастается с душой). Я могу показать, где сидел и разговаривал блаженный Поликарп, могу рассказать о его уходах и приходах, особенностях его жизни, его внешнем виде, о беседах, какие он вел с народом, о том, как он говорил о своих встречах с Иоанном и с теми остальными, кто своими глазами видел Господа, о том, как припоминал он

слова их, что он слышал от них о Господе, о чудесах Его и Его учении. Поликарп и возвещал то, что принял от видевших Слово жизни, это согласно с Писанием. (7) По милости Божией ко мне, я тогда внимательно это слушал и записывал не на бумаге, а в сердце. И по благодати Божией, я все время как следует пережевываю и могу перед Богом засвидетельствовать, что, если бы этот блаженный апостольский старец услышал что-либо подобное, он возопил бы, заткнул уши и по обычаю своему воскликнул: «Боже милостивый! На какое время сохранил Ты меня, чтобы такое мне выносить!» Он убежал бы с того места, где сидел или стоял, услышав такие слова. (8) Это совершенно ясно из его писем, которые он посылал или соседним церквам, чтобы подкрепить их, или какому-нибудь брату, чтобы наставить и уговорить его».

Это слова Иринейя.

21

С возвращением Коммода пришло для нас время тихое, относиться к нам стали мягче, и Церковь, по милости Божией, жила в мире по всей вселенной. Спасительное учение начало приводить всякое звание к благочестивому служению Богу, Творцу всего; в Риме многие, известные богатством и родовитостью, вместе со всем домом и всей родней шли по пути спасения.

(2) Это было невыносимо демону, по природе своей клеветнику, ненавидящему прекрасное, и он стал нам строить разные козни: в Риме, например, привел на суд Аполлония, человека известного среди тогдашних верующих своим философским образованием, подучив обвинить Аполлония одного из своих слуг, к такому делу привычного. (3) Не в добрый час пришел, однако, несчастный в суд: по императорскому постановлению. таких доносчиков следовало казнить, и ему тут же перебили голени — такой приговор вынес судья Перенний.

(4) Судья горячо умолял и упрашивал Аполлония защищаться перед сенатом; любимый Богом, он произнес перед всеми убедительнейшую апологию исповедуемой им веры и был, по постановлению сената, обезглавлен; у них в силе древний закон, по которому однажды представших перед судом можно отпустить только в том случае, если они изменят свой образ мыслей¹⁷. (5) Кому хотелось бы прочесть его разговор с судьей. ответы на уговоры Перенния и всю апологию, обращенную к сенату, тот может ознакомиться с этим по нашему своду о древних мучениках.

22

В десятый год царствования Коммода преемником Елевферия, несшего епископское служение 13 лет, стал Виктор. В том же году после Юлиана, бывшего епископом 10 лет, управление Александрийской Церковью вручено Димитрию. В их время славился уже известный нам Серапион, епископ Антиохийской Церкви, восьмой после апостолов. В Кесарии Палестинской Церковью управлял Феофил; Наркисс, упомянутый выше, еще руководил Иерусалимской Церковью; в Коринфе, в Элладе, тогда же епископом был Вакхил, а в Ефесе — Поликрат. Было, конечно, в это время много и других замечательных епископов, но, разумеется, я перечислил по именам только тех, от кого дошли до нас писания правоверные.

В это время стали пересматривать весьма важный вопрос: все асийские церкви, основываясь будто бы на очень древнем предании, считали, что праздник спасительной Пасхи следует назначать на 14-й день лунного месяца, в который иудеям велено было закалать агнца; на какой бы день недели ни пришлось 14-е, пост следует прекращать. Такого обычая у церквей во всей остальной вселенной не было; по апостольскому преданию они хранили и доныне сохраняемый обычай: пост следует прекращать только в день Воскресения Спасителя нашего. (2) Епископы по этому поводу созывали Соборы и совещания; все единодушно постановили — и письменно сообщили это церковное решение всем верующим — праздновать таинство Христова Воскресения не в иной какой день, а только в день Господень, и только в тот день прекращать пост. (3) Послание палестинских епископов, собравшихся тогда под председательством Феофила, епископа Кесарийского, и Наркисса Иерусалимского, имеется доныне. Есть также об этом спорном вопросе и послание от собравшихся в Риме, из коего видно, что тамошним епископом был тогда Виктор; послание понтийских епископов, собравшихся под председательством Пальмы, как старейшего; галльских (епископом в Галлии был Ирней); (4) а также епископа Осроены и тамошних городов. Особо следует назвать послания Вакхилла, епископа Коринфского, и многих других, единомысленно вынесших одно и то же решение и за него голосовавших. Решение было единым, как мы и сообщали.

Главой асийских епископов, настаивавших на том, что следует соблюдать издревле переданный обычай, был Поликрат. В письме к Виктору и к Римской Церкви он так говорит о предании, дошедшем до его времени: (2) «Мы строго соблюдаем этот праздник: мы ничего не прибавляем, ничего не убавляем. В Азии покоятся великие светила веры, которые восстанут в день пришествия Господня, когда Он во славе сойдет с небес и разыщет всех святых: Филиппа, одного из двенадцати, который покоится в Иераполе, двух дочерей его, состарившихся девственницами, и еще одну его дочь, жившую в Духе Святом, почивающую в Ефесе; (3) Иоанна, возлежавшего на груди у Господа, бывшего священником и носившего дщцу¹⁸, свидетеля и учителя, (4) который почивает в Ефесе; и Поликарпа Смирнского, епископа и мученика; и Фрасею, епископа и мученика Евменийского, который покоится в Смирне. (5) Говорить ли о Сагарии, епископе и мученике, который покоится в Лаодикии, о блаженном Папирини, Мелитоне внухе, целиком жившем в Духе Святом, почивающем в Сардах, ожидая пришествия с небес и воскресения из мертвых. (6) Все они праздновали Пасху в 14-й день (лунного месяца) по Евангелию, ничего не преступая и следуя правилу веры. И я, Поликрат, самый малый из вас, поступаю так, как передано мне моими родственниками; им следую. Семь человек моей родни были епископами, я восьмой. И всегда родные мои справляли этот праздник, когда народ не употребляет квасного хлеба. (7) Я, братья, прожил 65 лет в Господе, пребывал в сношениях с братьями во всей вселенной, прочитал все Святое Писание и никаких угроз не испугаюсь, ибо большие меня сказали: «Повиноваться следует больше Богу, нежели людям»».

(8) Затем он пишет о епископах, бывших с ним, когда он писал, и с ним единомысленных:

«Я мог бы назвать всех присутствующих епископов, которых вы посоветовали мне созвать; я и созвал их. Если я напишу все их имена, то выйдет великое множество. Они знают, как я мал и ничтожен, но согласись с моим письмом, зная, что не кое-как дожил я до седин, а всегда устранивал свою жизнь, следуя Христу».

(9) Тогда Виктор, предстоятель римлян, собрался разом отлучить за инакомыслие асийские и сопредельные с ними церкви; он клеймил всех тамошних братьев письменно, объявляя их огулом отлученными. (10) Не всем, однако, епископам пришлось это по душе; Виктора уговаривали подумать о мире, единении с ближними, о любви. Известны послания с резкими нападками на Виктора. (11) Среди противников Виктора был Иринеи, писавший от лица всех галльских братьев, главой которых был: он сразу заявил, что таинственное Воскресение Господне должно праздновать только в день Господень, и стал подобающим образом уговаривать Виктора не отлучать целые церкви Божии за то, что они соблюдают издревле переданный им обычай. Дает он много и других советов, заключая их такими словами:

(12) «Спор идет не только о дне, но и о том, какой пост соблюдать. Одни думают, что следует поститься один день, другие — что два, а некоторые еще больше; иные отсчитывают для поста сорок дневных и ночных часов. (13) Вся эта пестрота в соблюдении поста возникла не при нас, а гораздо раньше, у прадедов наших, а они, не беспокоясь, конечно, о точности, передали потомкам свой обычай, укрепившийся в их простой, непритязательной жизни. Тем не менее все жили в мире и мы живем в мире друг с другом, и разногласие в посте не разрушает согласия в вере».

(14) Тут он приводит рассказ, который хорошо поместить здесь:

«Пресвитеры, жившие до Сотира, предстоятели Церкви, которой ты ныне управляешь: Аникита, Пий, Игин, Телесфор и Ксист, сами не соблюдали поста и не заповедали его своим. Тем не менее они, не соблюдавшие, были в мире с братьями, которые приходили к ним из Церквей, где он соблюдался, хотя соблюдение его казалось несоблюдавшим чрезвычайно нелепым. (15) Никогда за этот обычай никого не отвергали; епископы, твои предшественники, его не соблюдавшие, посылали Евхаристию членам церквей, его соблюдавшим.

(16) Блаженный Поликарп был при Аниките в Риме; кое в чем они слегка не ладили, но тут же заключали мир, об этом же главном вопросе и спорить не хотели; ни Аникита не мог убедить Поликарпа оставить то, что всегда соблюдали Иоанн, ученик Господа нашего, и остальные апостолы, с которыми Поликарп общался; ни Поликарп Аникиту, говорившего, что он обязан соблюдать обычай своих предшественников. (17) Тем не менее они пребывали в общении друг с другом; Аникита, из уважения, конечно, предоставлял Поликарпу совершать в его Церкви Евхаристию. и они расстались в мире друг с другом и в мире со всей Церковью соблюдавших и не соблюдавших».

Иринеи, в соответствии со своим именем, оказался миротворцем и на деле: звал к миру в Церкви и заботился о нем. Он переписывался не только с Виктором, но и со многими главами Церквей по поводу поднятого вопроса.

25

Палестинские епископы: недавно упомянутые нами Наркисс и Феофил, Кассий, епископ Тирский, Клар Птолемаидский и другие, — собравшись вместе, после многих рассуждений о преемственно сохранившемся до них апостольском предании о праздновании Пасхи такими словами заключают свое послание:

«Постарайтесь разослать по всем Церквам списки нашего послания, чтобы не быть нам в ответе за тех, чьи души легко впадают в заблуждение. Сообщаем вам: в Александрии праздник справляют в тот же день, что и мы. От нас отправляется послание к ним, от них к нам, так что мы празднуем святой день согласно и вместе».

26

Кроме названных произведений Иринея и его посланий, есть его слово к эллинам под заглавием «О познании», очень краткое и весьма необходимое; другое — к брату Маркиану с изложением апостольской проповеди и маленькая книжечка, составленная из разных рассуждений: в ней он упоминает Послание к евреям и так называемую «Премудрость Соломону», откуда приводит разные изречения. Вот то, что мы узнали о писаниях Иринея.

Коммод царствовал 13 лет; после смерти его около 6 месяцев власть была у Пертинакса, затем императором стал Север¹⁹.

27

У многих и донныне сохраняются многие писания старых церковных писателей — памятники их благородной ревности. Нам известны, например, сочинения: Гераклита «О Посланиях Павла»²⁰; Максима о том, откуда зло (вопрос, о котором много шумели еретики), и о том, что материя создана; рассуждение Кандида о шести днях творения, Апиона на ту же тему; Секста «О воскресении»; какое-то сочинение Аравиана и множество других; при отсутствии всякой точки опоры невозможно определить ни время их написания, ни время событий, о которых они рассказывают. Очень много дошло сочинений, даже заглавий которых нельзя назвать. Все они написаны правочерными церковными писателями (что видно из того, как они толкуют Писание), но нам неизвестными, ибо в заглавии имя их не приведено.

28

В произведении кого-то из них против ереси Артемона, которую старается возродить Павел Самосатский, есть повествование о событиях, о которых и мы рассказывали. (2) Творцы этой ереси, утверждающей, что Спаситель был просто человеком, стараются внушить к ней уважение ссылкой на ее древность; наш автор опровергает их, указывая, что появилась она совсем недавно. Много у него и других изобличений этой богоухальной лжи. Вот слово в слово его рассуждение:

(3) «Они говорят, что в старину все люди и сами апостолы были наставлены и учили тому, чему учат сейчас; истина сохранялась до Виктора, тринадцатого епископа в Риме; с его же преемника Зефирина истину стали искажать. (4) Слова их могли бы показаться убедительными, если бы им не противоречило, во-первых, Святое Писание, а затем и

сочинения некоторых братьев, написанные еще до Виктора в защиту истины, против язычников и против тогдашних ересей. Я разумею Иустина, Мильтиада, Татиана, Климента и многих других. Все они признают Христа Богом. (5) Кто не знает книг Иринея, Мелитона и других? Все провозглашают Христа Богом и человеком. И сколько псалмов и песнопений от начала христианства написали верующие братья, славя Христа как Слово Божие! (6) И если в течение стольких лет провозглашаемо было мнение Церкви, то можно ли поверить, что жившие до Виктора учили так, как они говорят? Не совестно ли им возводить такую клевету на Виктора? Они ведь прекрасно знают, что сапожника Феодота, главу и отца этого богоотступнического учения, первого заявившего, что Христос — просто человек, Виктор отлучил от Церкви. Если бы Виктор, по их словам, придерживался их богоухального учения, разве отвергнул бы он Феодота, измыслившего эту ересь?

(7) Это о Викторе. Он нес свое служение десять лет²¹; преемником его стал Зефирин на девятом году царствования Севера. Автор упомянутой книги о названной ереси рассказывает и о другом происшествии, случившемся при Зефирине. Вот его собственные слова:

(8) «Напомню многим из братий то, что случилось при нас. Думаю, случись такое в Содоме, это, пожалуй, образумило бы тамошних жителей. Был некий исповедник Наталий, не из давних, а наш современник. (9) Его как-то обманули Асклепидот и меняла Феодот (другой, не ересиарх). Оба они были учениками Феодота сапожника, которого первым за его умствования, вернее, безумства отлучил от Церкви тогдашний епископ Виктор. (10) Они убедили Наталия назваться епископом еретиков за плату — 150 динариев в месяц; (11) и в то время, когда он был с еретиками, Господь часто вразумлял его видениями, ибо милосердный Бог и Господь наш Иисус Христос не желал, чтобы свидетельствующий о Его страданиях погиб отлученным. (12) Он, однако, не обращал внимания на эти видения, поймавшись на приманку главенства и корысти, погубившей столько людей; в конце концов, был он избит святыми ангелами, всю ночь его бичевали: встав поутру, весь в ранах, он надел рубище, посыпал голову пеплом и кинулся, обливаясь слезами, в ноги епископу Зефирину; простирался не только перед клиром, но и перед мирянами и тронул слезами милосердную Церковь милостивого Христа: но, хотя он просил, молил и показывал рубцы от полученных ран, обрат-но в Церковь приняли его с трудом».

(13) Присоединим к этому и другие слова того же писателя об этих еретиках. Он говорит так: «Священное Писание они спокойно подделывали, отвергали правила древней веры, Христа не понимали, до смысла Писания не доискивались и усердно старались найти некий силлогизм для утверждения своего безбожия. Если кто-либо обращал их внимание на изречение Писания, они доискивались, будет ли оно силлогизмом объединяющим или разделяющим. (14) Оставив Святое Божественное Писание, они занимаются геометрией: от земли взятые, от земли говорят, не зная Сходящего с небес; а некоторые прилежно занимаются геометрией Эвклида; они восхищаются Аристотелем и Феофрастом; Галена чтут почти как Бога. (15) Злоупотребляя языческой наукой для своего еретического учения, они с ловкостью безбожников развлекают цельную истину Божественного Писания. Нужно ли говорить, что с верой они и рядом не стоят? Поэтому они бесстрашно и наложили руку на Священное

Писание, говоря, что они его исправляют. (16) Желаящий может узнать, что я не клевету на них: пусть соберет и сравнит между собой имеющиеся у них списки; он найдет много разногласий: Асклепиадотовы не согласны с Феодотовыми. (17) Можно достать множество этих списков: ученики их усердно переписывали то, что учителя, по их словам, исправили, то есть испортили. Возьми Ермофилы — опять разлад с другими. Аполлонидовы противоречат сами себе. Можно сравнить ранние с переделанными позже — несогласий множество. (18) Сколько дерзости в этом преступлении, они, вероятно, понимают и сами. Они или не верят, что Священное Писание — это слова Духа Святого, — тогда они люди неверующие, — или они считают себя мудрее Духа — тогда они одержимы демоном. Они не могут отречься от этого преступления, потому что списки их собственноручные. Не такому писанию обучали их оглашатели, и они не могут показать подлинник, с которого списывали. (19) Некоторые решили, что и подделывать Писание не стоит: они просто отвергли Закон и Пророков и, объявив свое безбожное учение благодатным, дошли до «бездн погибели».

Да будет рассказано об этом таким образом.

КНИГА ШЕСТАЯ

1

Когда Север¹ начал преследовать Церковь, то борцы за веру повсюду завершали свое блистательное свидетельство мученичеством. Особенно много было их в Александрии; из Египта и со всей Фиванды сюда, словно на огромную арену, отправлены были борцы Божии; с великим терпением и мужеством переносили они разные пытки, умерли разной смертью — и возложены на них венцы от Господа. В числе их был и почитаемый отцом Оригена² Леонид, которого обезглавили; он оставил совсем юного сына. С каким усердием стал с этого времени юноша заниматься словом Божиим, об этом пора вкратце рассказать, тем более что среди многих людей шла о нем громкая слава.

2

Многое пришлось бы рассказать тому, кто взялся бы на досуге описать жизнь этого человека: потребовалась бы отдельная книжка. Мы же сейчас, многое опустив, переберем с допустимой краткостью то немногое, о чем мы узнали из писем и рассказов его учеников, доживших до нашего времени.

(2) Жизнь Оригена кажется мне достопримечательной, так сказать, с пеленок. Шел десятый год царствования Севера; Александрией и остальным Египтом управлял Лэт, а епископом александрийского прихода недавно стал Димитрий, преемник Юлиана. (3) В разгоравшемся пожаре преследования на очень многих возложены были венцы, и такая жажда мученичества охватила душу совсем юного Оригена, что он радостно спешил навстречу опасностям, с готовностью устремляясь на состязание. (4) Он бывал уже на краю смерти, и только небесный Божий Промысл, ради пользы многих, голосом матери укрощал его рвение. (5) Сначала она умоляла его пожалеть мать, так его любящую, но юноша, узнав, что отец взят и сидит в тюрьме, всем существом своим тянулся к мучениче-

ству. Видя это, она спрятала всю его одежду: пришлось сидеть дома. (6) Ничего другого не оставалось делать — а при своей, не по возрасту, горячности он не мог сидеть спокойно, — как послать письмо отцу и горячо уговаривать его идти на мученичество; вот его собственные слова: «Держись, не передумай ради нас!» Пусть это будет первым письменным свидетельством живого ума юного Оригена и его искренней веры. (7) Что касается изучения Священного Писания, то тут начало у Оригена было положено прекрасное; с детства он прилежно, больше, чем принято, им занимался; отец не считал эти занятия простой добавкой к обычному школьному обучению. (8) Прежде, чем мальчик брался за эллинские науки, он вводил его в святую науку, заставляя ежедневно что-то заучивать и рассказывать. (9) Мальчик занимался этим охотно, с большим усердием, но ему мало было простого, легкого чтения; уже с того времени искал он большего и делал выводы более глубокие. Отцу доставлял он немало хлопот своим вопросом: в чем цель богодухновенной книги? (10) Видимости ради он бранил сына, советуя ему не умничать не по возрасту и удовольствоваться прямым смыслом Писания, но в душе ликовал, горячо благодаря Бога, Подателя всего доброго, за то, что Он удостоил его стать отцом такого сына. (11) Рассказывают, что он часто подходил к спящему мальчику, открывал ему грудь и благоговейно целовал ее, как освященную пребыванием Духа Божия; счастье свое полагал он в сыне. Таковы эти и сходные воспоминания о детстве Оригена.

(12) После мученической кончины отца он на семнадцатом году остался сиротой с матерью и шестью маленькими братьями. (13) Отцовское имущество было отобрано в царскую казну; ему и всей семье жить было не на что, но Господь удостоил его попечения. Он нашел приют и покой у очень богатой и очень известной женщины, опекавшей одного прославленного еретика из тогдашних александрийских, родом он был антиохиец. Она приняла его к себе как приемного сына и всячески его опекала. (14) Оригену поневоле пришлось жить вместе, и тут впервые со всей ясностью обнаружилось его правоверие; хотя Павел (так звался этот человек) собирал вокруг себя многое множество людей, не только еретиков, но и наших — его считали сильным в слове, — однако Оригена нельзя было уговорить стать вместе на молитву; с детства хранил он церковное правило, и, по его собственным словам, во его тошнило от еретических учений. (15) Отец продвинул его в науках эллинских; после его кончины он целиком отдался их изучению, достаточно подготовив себя к обязанностям грамматика³; он вскоре после смерти отца занялся преподаванием и щедро обеспечил себя всем по своему возрасту необходимым.

3

Пока он этим занимался — так он сам об этом пишет, — в Александрии не оказалось никого, кто мог бы нести обязанности оглашателя — угроза гонения разогнала всех, — а между тем к нему стали приходиться кое-кто из язычников, чтобы послушать слово Божие. (2) Первым из них он называет Плутарха — прекрасной была его жизнь, и он украсился венцом мученичества; вторым был Геракл, Плутархов брат, чья жизнь — пример того, как жить в мудрости и воздержании; он был удостоен после Димитрия епископства в Александрии. (3) Оригену было 18 лет, когда он стал во главе училища для оглашаемых. Он преуспевал здесь во время гонения при Акиле, правителе Александрии, и приобрел славное имя у

всех верных за свое участие ко всем мученикам, неизвестным и знакомым, и за готовность им послужить. (4) Он не только бывал у них в тюрьме и оставался с ними до последнего приговора; он сопровождал ведомых на смерть, с великой смелостью идя навстречу опасности. Когда он, решительно подойдя к мученикам, прощался с ними, целуя их, то стоявшая вокруг обезумевшая языческая чернь часто готова была вот-вот наброситься на него, и только десница Господня чудесным образом неизменно спасала его от смерти. (5) Милость Божия опять и опять — не перечислить сколько раз — охраняла его от всяких злоумышлений, грозивших ему за ревность к учению Христову и смелость. У неверных поднялась против него настоящая война: они собирались толпами и окружали воинскими дом, где он жил; у него бывало очень многоставляемых в святой вере. (6) Гонение на него с каждым днем разгоралось, во всем городе ему некуда было деться: он ходил из дома в дом, и отовсюду его гнали. потому что под его влиянием много людей обращалось к Божественному учению, ибо его поведение убедительно свидетельствовало о высоте его философии⁴, единственно настоящей (у него, как говорят, «слово заодно с делом, дело заодно со словом»). Это, при содействии силы Божией, особенно привлекало к тому, чем он ревностно занимался.

(8) Когда он увидел, что учеников приходит все больше и больше. а труд оглашения поручен епископом Димитрием ему одному, он пришел к мысли, что преподавание грамматики несовместимо с изучением слова Божия, и немедленно отказался от него, как от бесполезного и противоречащего святой науке. (9) Благоразумно рассудив, что не следует ему нуждаться в чужой поддержке, он отдал сочинения древних писателей, которые еще недавно с такой любовью изучал; купивший их приносил ему ежедневно четыре обола⁵, которых ему хватало. Много лет жил он такой жизнью философов, отбрасывая всё, что питает юношеские страсти; в течение целого дня нес он тяжкий труд своей аскезы: большую часть ночи посвящал занятиям Священным Писанием, упорно вел жизнь самого строгого философа, то упражняя себя в посте, то строго отмеривая время сна; спал, по рвению своему, не на тюфяке, а на голой земле. (10) Всего важнее считал он соблюдение евангельских слов Христа: не иметь ни двух хитонов, ни обуви и не изводиться заботами о будущем. (11) В ревности, не соответствовавшей возрасту, он упорно переносил и холод. и наготу. Его крайнее нестяжание повергало в изумление окружающих. Он огорчал очень многих: видя, как ради них несет он тяжкий труд обучения Писанию, его упрашивали делить с ними их средства, но он упорствовал в своей строгой жизни. (12) Говорят, что в течение многих лет он вовсе не обувался и ступал по земле босиком, многие годы отказывался от вина и от всякой пищи, кроме необходимой; в конце концов ему стала грозить тяжелая легочная болезнь. (13) Естественно, многие из учеников, видя эту философскую жизнь, устремились к подобной; из неверующих язычников его учение привлекало людей не последних по своему образованию и философским познаниям. Искренне приняли они в глубине души веру в Божественное учение, и некоторые прославились в час тогдашнего гонения, скончавшись мучениками.

4

Первым был недавно упомянутый Плутарх. Когда его вели на смерть, то человек, о котором идет сейчас речь, до последней минуты его не

оставлявший, едва не был убит согражданами, видевшими в нем виновника смерти Плутарха, но и тут его сохранила воля Божия. (2) После Плутарха вторым мучеником был Серен, Оригенов ученик, в огне доказавший принятую им веру. (3) Третьим мучеником из того же училища был Ираклид, за ним четвертым — Ирон; первый еще оглашаемый, второй только что крещенный: обоих обезглавили. Из этой же школы вышел пятый борец за веру — Серен второй. После пыток, перенесенных им с величайшим терпением, он был, говорят, обезглавлен. Ираида, из оглашаемых, получив, по его словам, крещение в огне, скончалась.

5

Седьмым среди мучеников посчитаем Василида. Он вел на казнь знаменитую Потамиэну, которую до сих пор славят ее земляки. Охраняя девственную чистоту своего тела, оборонялась она от влюбленных (а была в полном расцвете душевной и телесной красоты) и после страшных пыток — от одного рассказа о них содрогаешься — была сожжена вместе с матерью Маркеллой. (2) Говорят, что судья (он звался Акилой), велевший тяжко изранить ее тело, издеваясь, пригрозил отдать ее гладиаторам. Она немного подумала и на вопрос, что же она выбрала, дала ответ, который показался присутствующим чем-то нечестивым. (3) Тут же услышала она свой приговор, и Василид, один из прикомандированных воинов, повел ее на казнь. Толпа пыталась дразнить ее и осыпать грубой руганью, но воин отпугнул оскорбителей и обращался с Потамиэной очень жалостливо и доброжелательно. Она приняла его сострадание и посоветовала ему не падать духом; по отшествии своем она его вымолит у своего Господа и очень скоро оплатит ему за то, что ей сделал. (4) Сказав это, она мужественно ожидала конца, а ее медленно и постепенно поливали кипящей смолой по всему телу от подошв до головы. Такую борьбу вела эта девушка, достойная хвалебной песни.

(5) Спустя немного времени товарищи Василида попросили его поклясться; он заявил, что ему вообще не дозволено клясться: он христианин и открыто это исповедует. Сначала подумали, что он шутит, но он твердо держался своего; его отвели к судье, который после его исповедания отправил его в тюрьму. (6) Когда братья о Господе приходили к нему и расспрашивали о причине такого полного, похожего на чудо порыва, он, говорят, ответил, что Потамиэна через три дня после своего мученичества пришла к нему ночью, возложила ему на голову венец и сказала, что она просила Господа смилостивиться над ним, что молитва ее услышана и Он скоро возьмет его к Себе. После этого братья запечатали его печатью Господней, и на следующий день славному за Христа мученику отрубили голову. (7) Рассказывают, что в Александрии тогда толпами обращались к вере Христовой; Потамиэна являлась им во сне и звала ко Христу. На этом закончим.

6

В то время александрийским училищем руководил преемник Пантена Климент, Ориген был его учеником. Излагая содержание «Стромат», Климент в первой книге их поместил хронологию событий до смерти Коммода; ясно, что он работал над своим сочинением при Севере, о времени которого рассказывает и эта книга.

7

Тогда же другой писатель, Иуда, размышляя по поводу семидесяти седмин Даниила, довел свою хронику до десятого года царствования Севера. Он думал, что близится пришествие антихриста, о котором без конца говорили. Тогдашнее сильное гонение на нас породило смуту во многих умах.

8

В это время Ориген, занятый делом оглашения в Александрии, совершил поступок, свидетельствующий о душе юной, незрелой и в то же время глубоко верующей и стремящейся к самообузданию. (2) Поняв слова: «Есть скопцы, которые сами себя сделали скопцами для Царствия Небесного» в их буквальном смысле, думая и выполнить спасительный совет, и прекратить грязную клевету язычников (ему, юноше, приходилось беседовать о вопросах Божественных не только с мужчинами, но и с женщинами), он и поторопился на деле осуществить спасительные слова, полагая, что большинство его учеников ничего не узнает. (3) Скрыть, однако, такое дело оказалось невозможным, как он этого ни хотел. Позднее об этом узнал Димитрий, предстоятель Александрийской Церкви, изумился отваге Оригена, похвалил за усердие к вере и ее искренность, посоветовал не падать духом и отныне еще больше прилежать к делу оглашения. (4) Тогда повел он себя так, но вскоре, видя, что Ориген благоденствует, что он везде известен и всюду прославляем, он поддался человеческой слабости: постарался всем епископам описать его поступок как чистое безумство, между тем как наиболее известные и уважаемые палестинские епископы — Кесарийский и Иерусалимский — сочли Оригена достойным высшей чести и рукоположили его в пресвитеры. (5) Он был в это время весьма известен, пользовался у всех людей во всем мире славой за свою мудрость и добродетель, и Димитрий, не зная, в чем бы его обвинить, придрался к его давнему детскому проступку, страшно оклеветал его, осмелившись при этом задеть и тех, кто продвинул его в пресвитеры. (6) Все это, впрочем, случилось несколько позже, а тогда Ориген в Александрии всех проходящих безбоязненно поучал днем и ночью слову Божию; весь свой досуг он посвящал изучению Писания и тем, кто приходил к нему поучиться.

(7) После 18 лет царствования Севера ему наследовал сын его Антонин⁶. В тогдашнее гонение среди мужественных борцов, уцелевших по Промыслу Божию во время исповеданий и состязаний, был некий Александр, которого мы недавно упоминали как епископа Иерусалимской Церкви; он так отличился своим исповеданием Христа, что был удостоен упомянутого епископства, хотя Наркисс, его предшественник, был еще жив.

9

Члены этой Церкви помнят многие чудеса Наркисса; предание о них преемственно сохраняется братьями. Рассказывают, между прочим, об одном удивительном деле, им совершённом. (2) Однажды на великой Пасхальной всенощной у диаконов не хватило масла, и весь народ пришел в уныние. Наркисс велел служителям, которые ведают освещением, набрать воды и принести ему. (3) Это было немедленно выполнено; он помолился

над водой и с искренней верой в Господа распорядился разлить воду по светильникам. Сделали и это; вопреки здравомысленным соображениям, чудесной и Божественной силой вода приобрела свойства масла. У многих тамошних братьев с давних пор и доныне хранится часть этого масла, как свидетельство о чуде.

(4) Рассказывают о многих достопамятных событиях его жизни; вот одно из них. (4) Каким-то гнусным и ничтожным людям невыносима была его строгая, упорядоченная жизнь; зная за собой множество мерзостей, боясь обличения и суда, они, забегая вперед, измыслили и возвели на него клевету страшную. (5) Чтобы убедить слушателей, они подтвердили ее клятвой: «Чтоб мне погибнуть в огне (если это неправда)». — сказал один; «Чтоб мне заболеть страшной болезнью», — поклялся другой; «Чтоб мне ослепнуть», — произнес третий. Несмотря на их клятвы, никто из верующих не принял в расчет их слова: все воочию видели трезвую и безупречную чистую жизнь Наркисса. (6) Он, однако, не смог пренебречь гнусным злословием; ему вообще издавна была любезна жизнь философа, и он бежал от братии и провел много лет, скрываясь в неведомой пустыне. (7) Между тем Высшая Правда не сводила глаз с происшедшего: нечестивцев вскоре постигло то, что они сами навлекли на себя своими клятвами. У первого, неизвестно почему, ни с того, ни с сего на дом, где он жил, упала ночью маленькая искра; дом сразу занялся, и хозяин сгорел вместе со всей семьей. У второго все тело от подошв до головы было поражено болезнью, которую он на себя накликал. (8) Третий, видя конец соучастников и трепеща неотвратимого суда Всевидящего Господа, перед всеми сознался в своих кознях, терзался в покаянных стенаниях и столько плакал, что ослеп на оба глаза. Такое наказание потерпели они за свою ложь.

10

Когда Наркисс ушел неизвестно куда, епископы соседних Церквей посвятили в епископы другого, именем Дия. Епископствовал он недолго; его преемником был Германий, преемником последнего — Гордий. При нем появился, словно воскресший, Наркисс, и братья упрашивали его стать их предстателем. Им еще больше восхищались за его отшельничество и за его любомудрие, а больше всего за то, что он был удостоен от Господа возмездия за него.

11

Когда он по глубокой старости не мог нести епископское служение. то велеием Господним призван был к сослужению с ним упомянутый Александр, бывший епископом другой Церкви: а было ему это открыто в ночном видении. (2) Следуя как бы Божественному знамению, он отправился из Каппадокии, где впервые был удостоен епископского сана, в Иерусалим, чтобы помолиться и разузнать о тех местах. Местные жители приняли его очень радушно и упрашивали не возвращаться домой, ссылаясь и на свое ночное видение, и на голос, отчетливо указавший на него наиболее ревностным братьям; им приснилось, что они вышли за городские ворота принять епископа, предназначенного Господом. Так они и сделали и с общего согласия соседних Церквей принудили его остаться. (3) Об этом вспоминает и сам Александр в своих письмах к жителям Антиной⁷, до сих пор у них сохраняемых. О своем сослужении с Наркиссом он пи-

шет в конце одного письма так: «Приветствует вас Наркисс, бывший до меня здесь епископом и теперь молитвенно трудящийся со мной. Ему исполнилось 116 лет; он убеждает вас, как и я, пребывать в единомыслии».

(4) Так это происходило. В Антиохийской Церкви преемником скончавшегося Серапиона стал Асклепиад, прославивший себя исповеданием во время гонений. (5) Александр, вспоминая о его посвящении, так пишет антиохийцам: «Александр, раб и узник Иисуса Христа, приветствует о Господе блаженную Церковь Антиохийскую. Удобными и легкими сделал Господь мои оковы, когда, сидя в тюрьме, я узнал, что по Божиему Промыслу епископом святой вашей Антиохийской Церкви поставлен Асклепиад, который этого по своей вере вполне достоин».

(6) Письмо это он послал через Климента; в конце он пишет об этом так: «Эту грамотку я переслал вам, братья и господа мои, через Климента, блаженного пресвитера, человека хорошего и почтенного. Вы его знаете и познакомитесь еще больше. Он, будучи здесь по Промыслу Господа, укрепил и увеличил Его Церковь».

12

Из трудов Серапиона над Писанием что-нибудь, вероятно, у кого-либо сохраняется, но до нас дошли только: «К Домнину» — он во время гонения отпал от Христовой веры и перешел в иудейское суевение; «К Понтию и Карику» (оба клирики) и к другим лицам. (2) Составлена им и книга «О так называемом Евангелии от Петра»; он написал ее, чтобы обличить это лживое «Евангелие» ради тех членов Русской Церкви⁸, которые, ссылаясь на него, заблудились в учении, не согласном с Церковью. Следует выписать из нее его краткие выражения об этом «Евангелии». Он пишет так: «Мы, братья, принимаем Петра и других апостолов, как Христа, но, люди опытные, мы отвергаем книги, которые ходят под их именем, зная, что учили нас всех не так. (4) Будучи у вас, я предполагал, что все вы держитесь правой веры, и, не прочитав Евангелия, которое слывет у них Петровым, указал, что если это единственная причина вашего смущения, то читать его можно. Теперь же, узнав из рассказанного мне, что душа их ускользнула, как в нору, в ересь, потороплюсь к вам опять, братья, так что ждите меня вскорости. (5) Мы узнали, братья, какой ереси держался Маркион; он противоречил себе, сам не зная, что говорит. Вы узнаете об этом из того, что я вам написал. (6) Мы смогли достать это «Евангелие» от людей, признающих его, то есть от преемников тех, кто его вел и кого мы зовем докетами (в этом учении очень много их мыслей), — мы смогли благодаря им достать его и нашли, что в нем многое согласно с правым учением Спасителя, а кое-что и добавлено, что и привожу для вас».

Вот слова Серапиона.

13

«Строматы» Климента в восьми книгах все сохранились до нашего времени. Озаглавил он их так: «Строматы Тита Флавия Климента. Заметки о познании истинной философии». (2) Столько же книг и в его сочинении под заглавием «Очерки». Тут он упоминает по имени, как своего учителя, Пантена, приводит его толкования Священного Писания и предания, от него полученные. (3) Есть у него еще «Увещания к элли-

нам»; три книги сочинения, озаглавленного «Педагог»; затем «Какой богач спасется?», книга о Пасхе; диалоги «О посте и о злоречии», увещательное слово «О терпении, или к новокрещенным», еще «Церковное правило, или против иудействующих», посвященное упомянутому епископу Александру.

4) В «Строматах» он не только рассыпает мысли из Писания, но берет и у эллинских писателей, если что покажется ему полезным; вспоминает мнения многих, развертывает вероучение и эллинов, и варваров; выправляет ложь ересиархов, приводит множество сведений, закладывая основу для разностороннего образования. Ко всему этому добавлены рассуждения философов, так что заглавие «Строматы» находится в полном соответствии с содержанием.

(6) Он использует для этой книги и писания, Церковью непризнанные: так называемую Премудрость Соломонову, книгу Иисуса Сираха. Послание к Евреям, Послания Варнавы, Климента и Иуды. (7) Вспоминает он и «Слово к эллинам» Татиана; вспоминает Кассиана — он тоже писал хронику, а также Филона, Аристовула, Иосифа, Димитрия и Эвполема, еврейских писателей — все они доказывали в своих сочинениях, что Моисей и народ иудейский старше древних эллинов. (8) Много и других полезных сведений имеется в этом его сочинении. В первой книге его он говорит о себе как о человеке, стоявшем в непосредственной близости к преемникам апостолов, и обещает дать толкование на Бытие. (9) В книге о Пасхе он говорит, что друзья вынуждали его записать для будущих поколений всё, что он своими ушами слышал от старых пресвитеров. Вспоминает он Мелитона, Иринея и других, чьи беседы и приводит.

14

В «Очерках» он, коротко говоря, дает сжатый пересказ всего Нового Завета, используя и книги оспариваемые: Послание Иуды и прочие Соборные Послания, Послание Варнавы и Откровение, приписываемое Петру. (2) Послание к Евреям он считает Павловым и говорит, что написано оно было для евреев и по-еврейски, а Лука старательно перевел его для эллинов. Вот почему одинаковый стиль и в переводе этого Послания, и в Деяниях. (3) Что в заглавии его не стоит «Павел апостол», это понятно: обращаясь к евреям, относившимся к нему предвзято и с подозрением, разумно было не отталкивать их сразу же своим именем; несколько ниже он добавляет:

(4) «Как сказал блаженный пресвитер⁹: Господь, Апостол Вседержителя, был послан к евреям, а Павел, как посланный к язычникам, по скромности и не назвался апостолом евреев, не смея равняться с Господом, а также и потому, что Послание к Евреям только добавка к его деятельности, ибо был он проповедником и апостолом язычников».

5) В этих же книгах Климент приводит предания древних пресвитеров о порядке Евангелий: «Первыми написаны Евангелия, где есть родовые. (6) Евангелие от Марка возникло при таких обстоятельствах: Петр, будучи в Риме и проповедуя Христово учение, излагал, исполнившись Духа, то, что содержится в Евангелии. Слушавшие — а их было много — убедили Марка, как давнего Петрова спутника, помнившего всё, что тот говорил, записать его слова. Марк так и сделал и вручил это Евангелие просившим. (7) Петр, узнав об этом, не запретил Марку, но и не поощрил его. Иоанн, последний, видя, что те Евангелия возвещают

земные дела Христа, написал, побуждаемый учениками и вдохновленный Духом, Евангелие духовное». Вот что сообщает Климент.

(8) Известный нам Александр в одном из писем Оригену вспоминает Климента и Пантена как людей хорошо ему знакомых и пишет так: «Воля Божия, ты знаешь, была в том, чтобы любовь, завещанная нам старшими, пребывала нерушимой, становилась горячее и крепче. (9) Мы считаем отцами блаженных предшественников наших — скоро мы будем вместе: Пантена, воистину блаженного мужа и учителя, святого Климента, моего учителя и благодетеля, да и других таких же. Через них познакомился и я с тобой, человеком безукоризненным, господином и братом моим».

Таковы эти сведения.

(10) Адамантий (это было прозвище Оригена) отправился в Рим — Римской Церковью управлял тогда Зефирин, о чем пишет так: «Я захотел увидеть самую древнюю Церковь — Римскую». Пробыл он там недолго и, вернувшись в Александрию, (11) со всем усердием продолжал заниматься своим делом оглашателя. Димитрий, тамошний епископ, поощрял его и только что не упрашивал неленостно потрудиться на пользу братьев.

15

Он увидел, что его не хватит на углубленные занятия по изучению и толкованию Священного Писания и на оглашение приходящих — а шлн к нему в училище один за другим с утра до вечера, не давая передохнуть. Поэтому он разделил всю эту толпу, выбрал из своих учеников некоего Геракла, прилежно занимавшегося богословием, человека вообще очень разумного и не чуждого философии, и сделал его помощником в оглашательной работе: ему он поручил начальное преподавание, а себе оставил слушателей более совершенных.

16

Старательно исследовать слово Божие было для Оригена столь важно, что он даже выучил еврейский язык, приобрел у евреев в собственность подлинники священных книг, написанные еврейским шрифтом, и выискивал переводы, существующие, помимо семидесяти и кроме общеупотребительных переводов Акилы, Симмаха и Феодотиона. Не знаю, из каких тайников, где они лежали давным-давно, извлек он их на свет Божий. (2) Владелец их остался ему неизвестен, и он только сообщил, что один экземпляр он нашел в Никополе, недалеко от Акция, а другой — в каком-то ином месте. (3) В Гексаплах же он, рядом с четырьмя известными переводами псалмов, помещает не только пятый, но и шестой и седьмой с примечанием к одному: он нашел его при Антонине, сыне Севера, в Иерихоне, в огромном глиняном кувшине. (4) Сведя все переводы вместе, разделив на строфы, взаимно сопоставив и сравнив с еврейским подлинником, он и оставил нам так называемые Гексаплы. Переводы же Акилы, Симмаха и Феодотиона вместе с переводом семидесяти поместил в Тетраплах¹⁰.

17

Следует знать, что Симмах, один из этих переводчиков, был эвнионит. Так называемая ересь эвнионитов состоит в следующем: они говорят, что Христос родился от Иосифа и Марии, считают Его просто человеком и

настаивают на соблюдении Закона в строго иудейском духе — мы указывали на это и в предыдущем повествовании. Замечания Симмаха сохранились: он, по-видимому, старается подкрепить свою ересь Евангелием от Матфея. Ориген говорит, что эти замечания вместе с другими толкованиями Симмаха на Священное Писание он получил от некоей Юлиании, которой вручил эти книги сам Симмах.

18

В это же время Амвросия, последователя Валентиновой ереси, убедила истина, представленная ему Оригеном: словно светом озарило его ум, и он обратился к Церкви и ее правой вере. (2) Много и других образованных людей приходило к Оригену — слава его разнеслась широко, — чтобы ознакомиться с тем, как умело толковал он Священное Писание. Тьма еретиков и немало самых знаменитых философов стекались к нему и ревностно изучали не только богословие, но и мирскую философию. (3) Тех из учеников своих, в ком он замечал дарование, он вводил в дисциплины философские, преподавал им арифметику, геометрию и другие предметы, предваряющие знания более серьезные, знакомил с философскими теориями, объяснял сочинения их творцов, делал свои замечания и рассматривал каждую теорию особо; сами эллины объявили его крупным философом. (4) Большинство же учеников, не очень способных, он привлекал к элементарным школьным занятиям, говоря, что они очень помогут им понять Писание и подготовят к нему. Поэтому он считал, что даже ему необходимо заниматься философией и науками светскими¹¹.

19

О том, как преуспел Ориген в этих областях, свидетельствуют современные ему философы-эллины; в их произведениях мы находили частые упоминания о нем: одни посвящали ему свои произведения, другие приносили свои труды ему на суд, как учителю. (2) Зачем говорить об этом, когда Порфирий, наш современник¹², обосновавшись в Сицилии, написал против нас книгу, в которой, пытаясь оклеветать Писание, поминает и его толкователей; так как обвинить христианские догматы в чем-то дурном никак невозможно, то он за неимением доказательств обратился к ругани, клеветы на толкователей Писания, и особенно на Оригена. (3) По его словам, он знал его с юности; пытаясь его оклеветать, он сам, того не замечая, возвышает его, то говоря правду, если другой возможности нет, то прибегая ко лжи и думая, что это останется незамеченным; иногда обвиняет его как христианина, иногда подробно рассказывает о его преданности философским дисциплинам. Послушай его собственные слова:

(4) «Горячо желая сохранить грязные рассказы иудейского писания, они обратились к толкованию, которое совершенно не вяжется с содержанием этих рассказов: тут было не столько защиты этих нелепиц, сколько самодовольного восхваления собственных писаний. Ясные слова Моисея они торжественно объявили загадочными и клялись Богом, уверяя, что они, как изречения оракулов, полны тайного смысла; лишившись в этом дурмане здравого разума, они и ввели свое толкование».

(5) Дальше, между прочим, он говорит:

«Этот нелепый метод заимствован у человека, с которым я часто встречался в юности, весьма известного в то время, известного и теперь своими

сочинениями,— я разумею Оригена; слава его широко разошлась среди учителей этой веры. (6) Он был учеником Аммония, который в наше время преуспевал в философии; Аммоний ввел его в науку и многое ему дал, но в выборе жизненного пути Ориген свернул на дорогу, противоположную дороге учителя: прошел совсем по иному пути. (7) Аммоний был христианином и воспитан был родителями-христианами, но, войдя в разум и познакомившись с философией, он перешел к образу жизни, согласному с законами. Ориген-эллин, воспитанный на эллинской науке, споткнулся об это варварское безрассудство, разменял на мелочи и себя, и свои способности к науке. (8) Жил он по-христиански, нарушая законы. О мире материальном и о Боге думал, как эллин, но эллинскую философию внес в басни, ей чуждые. Он жил всегда с Платоном, читал Нумения, Кронния, Аполлофана, Лонгина, Модерата, Никомаха и писателей, известных в пифагорейских кругах. Пользовался книгами Херемона Стоика и Корнута¹³; узнав от них аллегорическое толкование эллинских мистерий, он применил его к иудейским писаниям».

(9) Так сказано у Порфирия в третьей книге его сочинения против христиан. Он правильно говорит о воспитании и широкой образованности Оригена, но явно лжет (чего бы и не наказать врагу христиан!), будто Ориген обратился из эллинов, а Аммоний после благочестивой жизни впал в язычество. (10) Ориген хранил от предков унаследованную христианскую веру (на это я уже указывал); Аммоний до последнего часа держался чистого и совершенного Божественного Любоумрия, о чем и донныне свидетельствуют его труды, которые широко его прославили, например, его книга «О согласии Моисея с Иисусом» и другие, которые можно найти у любителей истины. (11) Все это изложено, чтобы показать и ложь клеветнических выдумок, и великую осведомленность Оригена в эллинских науках. В одном письме, обращаясь к тем, кто упрекал его в усердных занятиях этими последними, он защищается так:

(12) «Когда я стал прилежно изучать Слово и пошла молва о моих занятиях, тогда ко мне стали приходить то еретики, то эллинские ученые, преимущественно философы, и я решил тогда основательно рассмотреть учения об истине и еретические, и философские. (13) Это я и сделал, подражая Пантену, чьи уроки еще до меня многим принесли пользу, так как он был очень осведомлен в этих вопросах, как и Иракл, который ныне заседает в Александрии в совете священников и которого я нашел у учителя философских дисциплин; он упорно трудился у него еще за пять лет до того, как я стал заниматься у того же учителя. (14) Под его влиянием он снял с себя обычную одежду, которую носил раньше, и принял облик философа, донныне сохраняемый¹⁴; он не перестает по возможности заниматься и эллинскими науками». Так говорит Ориген в защиту своих занятий эллинской наукой. (15) В это время, когда Ориген жил в Александрии, Димитрию, тамошнему епископу, и тогдашнему префекту Египта принес воин письма от правителя Аравии с просьбой как можно скорее прислать к нему Оригена, так как он хочет с ним побеседовать¹⁵. Ориген прибыл в Аравию, быстро выполнил свою миссию и тут же вернулся в Александрию. (16) За этот промежуток времени в Александрии разгорелся мятеж¹⁶, и Ориген, тайно выбравшись из Александрии, направился в Палестину и поселился в Кесарии. Хотя он еще не был тогда рукоположен в священника, но местные епископы просили его беседовать с общиной и разъяснять ей Писание. (17) Что именно так и было, видно из пи-

сем Александра, епископа Иерусалимского, и Феоктиста Кесарийского, посланных ими в свою защиту Димитрию.

«Он добавил в письме, что никогда не слышано, да и сейчас не бывает, чтобы миряне в присутствии епископов проповедовали в Церкви. Зачем он говорит явную неправду? (18) Где найдутся люди, способные принести пользу братьям, оттуда и приглашают их святые епископы проповедовать народу; так делали наши блаженные братья: в Ларанде Эвелпист пригласил Неона; в Иконии — Цельс Павлина; в Синнаде — Аттик Феодора — вероятно, так поступали и в других местах, только мы этого не знаем».

Человеку, о котором мы рассказываем, еще молодому, оказывали такую честь не только епископы-земляки, но и епископы на чужбине. (19) Димитрий, однако, отправил за ним диаконов с письмом, торопя его вернуться в Александрию. Вернувшись, Ориген занялся обычными трудами.

20

В это время в полной силе находилось много даровитых церковных писателей; письма, которыми они обменивались, сохранились, и найти их легко и сейчас. До нашего времени они хранились в библиотеке города Элии¹⁷, созданной тамошним епископом Александром; там мы и смогли достать материалы для данной работы. (2) Один из таких писателей, Беррил, епископ Бостры Аравийской, оставил, кроме писем, разные работы, исполненные любви к прекрасному. Остались и сочинения Ипполита, епископа другой Церкви¹⁸. (3) Дошел до нас и диалог Гая, мужа весьма разумного, жившего в Риме при Зефирине; он спорит с Проклом, отстаивающим фригийскую ересь. В этом диалоге, обуздывая дерзкую готовность еретиков составить новое Писание, он упоминает только тринадцать Посланий святого апостола, но среди них не числит Послания к Евреям. Некоторые в Риме и сейчас считают, что оно не принадлежит апостолу.

21

Антонин царствовал 7 лет и 6 месяцев; после него был Макрин, который прожил год, а после него владычество над римлянами получил другой Антонин¹⁹. В первый год его царствования переселился в другой мир епископ Зефирин, целых 18 лет служивший Церкви. (2) После него епископство вручили Каллисту; прожив пять лет, он оставил свое служение Урбану. Антонин прожил только четыре года; власть наследовал самодержец Александр²⁰. В это время в Антиохийской Церкви преемником Асклепиада стал Филит.

(3) Мать императора Мамея — была ли еще на свете такая благочестивая женщина! — сочла за счастье встретиться с Оригеном — слава его разнеслась повсюду и дошла до ее слуха — и ознакомиться с его, удивительным для всех, проникновением в смысл Священного Писания. Находясь в Антиохии, она пригласила его прибыть к ней в сопровождении вонно-телохранителей. Он пробыл там некоторое время, разъяснил многое во славу Господа, показал, как обучаться науке Божественной, и поторопился вернуться к обычным занятиям.

22

Тогда же Ипполит среди прочих «Памяток» написал книгу «О Пасхе», где, высчитывая время, дает пасхалию на шестнадцать лет, начиная первым годом царствования императора Александра. Из прочих его сочине-

ний до нас дошли: «О шести днях творения», «Что было после этих шести дней?», «Против Маркиона», «О Песни песней», «О некоторых главах Иезекииля», «О Пасхе», «Против всех ересей» и очень много других, которые ты сможешь найти у многих.

23

Тогда же Ориген положил начало своим толкованиям Писания. Амвросий не только настоятельно убеждал и уговаривал его взяться за эту работу, но и щедро предоставлял все необходимое для этих занятий. (2) Более семи скорописцев писали под его диктовку, сменяясь по очереди через определенное время; не меньше было переписчиков и красиво писавших девушек. Амвросий щедро снабжал их всем необходимым, а главное, он вносил в занятия Священным Писанием усердие невыразимое, и это особенно побуждало Оригена заниматься своими комментариями.

(3) Так обстояли дела, когда Урбана, восемь лет бывшего епископом Рима, сменил Понтиан, а Филита в Антиохии — Зебин.

(4) Тогда же Ориген отправился по необходимым церковным делам через Палестину в Элладу и был в Кесарии местными епископами рукоположен в священника. Поднявшаяся против него по этому поводу буря; постановления, принятые по поводу этих волнений предстоятелями Церквей; вклад в богословие, который сделал, войдя в возраст, Ориген,— для рассказа об этом потребовалась бы особая книга. Об этом достаточно сказано во второй книге Апологии, написанной нами в его защиту.

24

К этому следует добавить: в шестой книге комментариев на Евангелие от Иоанна Ориген замечает, что первые пять он составил, еще будучи в Александрии; от всей работы его над этим Евангелием до нас дошло только 22 тома. (2) В девятой книге Толкований на Бытие (их всего 12) он вспоминает, что в Александрии были им написаны не только первые восемь на эту книгу, но и толкование на первые 25 псалмов и на Плач Иеремии. Из них до нас дошло пять томов. В них он упоминает книгу «О воскресении», в двух томах. (3) И книгу «О началах» он написал до своего переселения из Александрии, как и другую, под заглавием «Строматы», в 10 томах; она написана в том же городе в царствование императора Александра, как об этом свидетельствуют его собственноручные пометки в начале каждого тома.

25

Объясняя первый псалом, Ориген приводит список священных книг Ветхого Завета. Вот как он пишет дословно: «Следует знать, что ветхозаветных книг, по еврейскому преданию, 22 — столько же, сколько букв у них в алфавите». (2) Затем он добавляет:

«Вот эти 22 книги: «Бытие» по-нашему, а у евреев по первому слову этой книги — «Берешит», что значит «в начале»; «Исход» — «Вэле шемот», то есть «эти имена»; «Левит» — «Ваикра», то есть «и Я воззвал»; «Числа» — «Гаммисефкодим»; «Второзаконие» — «Элле гаддебарим», то есть «эти слова»; «Книга Иисуса Навина» — «Иозуе бен нун»; «Судьи». «Руфь» — у них это одна книга: «Шофетим»; первая и вторая книги «Царств», соединенные у них в одну — «Шемуэл», то есть «призванный Богом»; третья и четвертая книги «Царств» — в одной: «Ваммелех Да-

вид», то есть «царствование Давида»; первая и вторая книги «Паралипоменон», соединенные вместе — «Дибре гайомим», то есть «Слова дней»; первая и вторая книги Ездры в одной — «Эзра», то есть «помощник»; книга псалмов «Сефертегиллим»; «Притчи Соломона» — «Мишлот»; «Екклезиаст» — «Когелет»; «Песнь песней» (а не Песни песней, как думают иные) — «Шир гашширим»; книги: Исаии — «Ешая», «Иеремия» с «Плачем» и Посланием в одной книге — «Ирмиаг» Иеремия; книги: Даниила — «Даниэль»; Иезекииля — «Ехезкель», Иова — «Иоб», «Есфирь» — «Эстер». Есть еще книги Маккавеев — «Шарбет шарбане».

(3) Это сказано в упомянутом сочинении. В первой книге толкований на Евангелие от Матфея Ориген, придерживаясь церковного канона, свидетельствует, что признает только четыре Евангелия, и пишет так: (4) «Вот что из предания узнал я о четырех Евангелиях, единственных бесспорных для всей Церкви Божией, находящейся под небом: первое написано Матфеем, бывшим мытарем, а потом апостолом Христовым, предназначено для христиан из евреев и написано по-еврейски; (5) второе, от Марка, написано по наставлениям Петра, назвавшего Марка в Соборном Послании сыном: «Приветствует вас избранная Церковь в Вавилоне и Марк, сын мой». (6) Третье Евангелие — от Луки, которое одобряет Павел, написано для христиан из язычников. Последнее Евангелие — от Иоанна».

(7) В пятой книге толкований на это Евангелие Ориген так говорит об апостольских Посланиях:

«Павел, которому дано было достаточно, чтобы стать служителем Нового Завета не по букве, а по духу, насытивший Евангелием землю от Иерусалима и кругом до Иллирика, писал не ко всем Церквам, которые наставил, и даже тем, которым писал, посылал по несколько строк. (8) От Петра, на котором основана Церковь Христова и врата адавы не одолеют ее, осталось только одно Послание, всеми признанное. Примем, пожалуй, и второе, хотя о нем спорят. (9) Что сказать об Иоанне, возлежащем на груди Христовой? Он оставил одно Евангелие, заметив, что всему миру не вместить того, что он мог бы написать; написал он и Откровение, но ему приказано было молчать и не писать о том, что сказали семь громов. (10) Осталось от него и Послание в несколько строк. Примем, пожалуй, второе и третье — не все признают их подлинными; в обоих не больше ста строк».

(11) О Послании к Евреям Ориген так рассуждает в своих беседах о нем:

«В языке Послания, озаглавленном «К Евреям», нет особенностей. свойственных языку апостола, который признает, что он «неискусен в слове», то есть в умении выражать свои мысли. Послание составлено на хорошем греческом языке, и каждый, способный судить о разнице стилей, это признает. (12) Мысли же в этом Послании удивительные, не уступающие тем, которые есть в Посланиях, признаваемых подлинно Павловыми. Что это так, с этим согласится каждый, кто внимательно читает эти Послания».

(13) Затем, между прочим, он говорит:

«Если бы мне пришлось открыто высказаться, я бы сказал: мысли в этом Послании принадлежат апостолу, а выбор слов и склад речи — человеку, который вспоминает сказанное апостолом и пишет, как бы поясняя сказанное учителем. Если какая-нибудь Церковь принимает это Послание

за Павлово, хвала ей за это. Не зря же древние мужи считали это Послание Павловым. (14) Кто был настоящий его автор, ведомо только Богу. Еще до нас его приписывали одни Клименту, епископу Римскому, другие — Луке, написавшему Евангелие и Деяния».

Об этом достаточно.

26

На десятом году упомянутого царствования Ориген переселился из Александрии в Кесарию, оставив огласительное училище на Иракла. В скором времени скончался Димитрий, епископ Александрийский, несший свое служение целых 43 года. Преемником его стал Иракл. В это время славен был епископ Кесарии Каппадокийской Фирмилиан.

27

Он так высоко ставил Оригена, что иногда, церковной пользы ради, приглашал его к себе, в свою область, а иногда сам отправлялся к нему в Иудею и проводил с ним некоторое время, совершенствуясь в вопросах богословских. И Александр, епископ Иерусалимский, и Феоктист Кесарийский все время прислушивались к нему и как учителю единственному уступали ему толкование Священного Писания и то, что касалось церковного обучения.

28

После императора Александра, царствовавшего 13 лет, власть принял кесарь Максимин²¹. Из ненависти к дому Александра, состоявшему большей частью из верующих, он начал гонение, но казнить велел как виновных в обучении христианству только стоявших во главе Церкви. В это время Ориген написал «О мученичестве» и посвятил это сочинение Амвросию и Протоккиту, кесарийскому пресвитеру: всё вокруг в это гонение было для обоих крайне неблагоприятно. Рассказывают, что они прославили себя и исповеданием при Максимине²², царствовавшем не дольше трех лет. Время этого гонения указано Оригеном в 22-й книге его толкований на Евангелие от Иоанна и в его разных письмах.

29

После Максимиана власть над римлянами получил Гордиан²³: преемником Понтиана, бывшего шесть лет епископом Римским, стал Антерот, а после Антерота, несшего свое служение только месяц, — Фабиан. (2) Рассказывают, что Фабиан, после кончины Антерота, вместе с другими переселился из деревни в Рим и здесь, по Божией небесной милости, стал епископом совершенно чудесным образом. (3) Когда все братья собрались для выбора будущего епископа, то большинству приходил на ум кто-либо из славных, известных мужей. О Фабиане, здесь находившемся, и мысли ни у кого не было. Вдруг сверху слетает голубь и садится ему на голову — так Дух Святой, в виде голубя, сошел на Спасителя. (4) Тут весь народ в одном порыве, словно по внушению Духа Божия, единодушно возгласил «достоин» и немедленно посадил его на епископскую кафедру.

В это же время Антиохийский епископ Зебин перешел в иную жизнь; его преемником стал Вавила; в Александрии после Димитрия обязанности его нес Иракл; управление огласительным училищем перешло к Дионисию, тоже одному из учеников Оригена.

30

К Оригену, занимавшемуся в Кесарии²⁴ обычным своим делом, приходило много не только местных жителей, но и множество иностранцев, оставивших родину. Я знал из них особенно известных: Феодора — это знаменитый в наше время епископ Григорий²⁵ — и брата его Афинодора. Оба страстно увлекались эллинской и римской наукой; но Ориген внушил им любовь к философии и направил всю эту ревность на изучение богословия. Они провели с ним целых пять лет и так усовершенствовались в этой науке, что оба еще молодыми удостоились епископства в понтийских Церквах.

31

В это время известен стал и Африкан, написавший «Узоры». Есть его письмо к Оригену: он недоумевает по поводу рассказа о Сусанне в книге Даниила²⁶, — не выдумка ли это. Ориген очень подробно ответил ему. (2) От этого же Африкана дошли до нас и другие работы: пять книг «Хроник», обработанных с большой точностью и тщательностью. Он рассказывает, как, наслышавшись об Иракле, он предпринял путешествие в Александрию; Иракл, как мы говорили, отличался своими познаниями в философии и других эллинских науках и был епископом Александрийской Церкви. (3) Есть еще письмо Африкана к Аристиду о мнимом разногласии родословий Христа: одного — у Матфея и другого — у Луки; основываясь на рассказе, до него дошедшем, он с полной ясностью согласовывает обоих евангелистов. Этот рассказ я привел к месту в первой книге этого моего сочинения.

32

Ориген в это время составил толкование на Исаию²⁷ и тогда же на Иезекииля. Из толкования на Исаию дошла до нас только третья часть — до видения животных в пустыне — тридцать томов; на Иезекииля — двадцать пять, единственные на этого пророка. (2) Он был тогда в Афинах, там закончил эту работу и начал толкование на Песнь песней, дошел до пятой книги и, уже вернувшись в Кесарию, довел толкование до конца, т. е. до десятой книги²⁸. (3) Зачем, однако, составлять сейчас точный список работ Оригена, когда для этого требуется особая книга? Я привел его в жизнеописании святого мученика Памфила, нашего современника, показав, с каким усердием занимался Памфил богословием, и тут же поместил список книг его библиотеки, состоявшей из работ Оригена и других церковных писателей²⁹. Желаящий может из этой книги полностью узнать о трудах Оригена, до нас дошедших. Продолжаю последовательное изложение событий.

33

Берилл, недавно упомянутый нами епископ Бостры Аравийской, нарушая церковное правило, попытался внести в наше вероучение нечто ему чуждое: осмелился говорить, что Спаситель и Господь наш до Своего прихода к людям не имел ни собственной сущности, ни собственной Божественности, в Нем только пребывала Отчая. (2) Очень многие епископы рассматривали его мнения и говорили о нем; был приглашен и Ориген. Он начал свою беседу с вопросов, выясняющих образ мыслей собеседни-

ка; ознакомившись с ним, убедил его своими рассуждениями, выправил его неправоверие и вернул к прежней здоровой вере, показав истину догматов. (3) И доныне имеется подробный отчет о тех событиях: заявления Берилла, постановление Собора, созданного по этому поводу, вопросы Оригена и беседы его с Бериллом, происходившие в местной Церкви. (4) Много об Оригене помнят и рассказывают нынешние священники, но я решил это опустить, как не относящееся к этой книге. Необходимые же сведения о нем можно собрать из «Апологии Оригена», написанной нами и святым мучеником Памфилом, нашим современником: мы старательно работали вместе, ибо нападков на него много.

34

После полных шести лет правления Гордиана власть получил Филипп вместе с сыном своим Филиппом³⁰. Рассказывают, что он был христианином и захотел в последнюю предпасхальную всенощную помолиться в Церкви вместе с народом, но тамошний епископ разрешил ему войти только после исповеди и стоять вместе с кающимися на отведенном для них месте. Не сделай он этого, епископ не допустил бы его по множеству взводимых на него обвинений. Говорят, что Филипп сразу же согласился и на деле доказал, что он искренне благочестив и боится Бога.

35

Шел третий год царствования Филиппа, когда после 16 лет епископства в Александрии скончался Иракл; его преемником стал Дионисий³¹.

36

Тогда, как и следовало, вера умножилась, наше учение можно было свободно проповедовать всем; Оригену было уже за 60, у него накопился огромный опыт, и свои беседы, обращенные к народу, он прямо диктовал скорописцам, чего раньше никогда себе не позволял. (2) В это время он составил в восьми книгах возражения эпикурейцу Цельсу, написавшему против нас сочинение под заглавием «Слово истины»³², двадцать пять томов толкований на Евангелие от Матфея, а также толкования на двенадцать пророков, из которых мы нашли только двадцать пять³³. (3) Имеется его письмо к императору Филиппу и другое — к его супруге Севере, есть и иные письма к разным людям. Я собирал их, сколько мог, — их хранили у себя по разным местам разные люди, — и составил из них особые тома, их больше ста³⁴. (4) Писал Ориген письма и Фабиану, епископу Римскому, и многим другим епископам о своем православии³⁵. Они приведены в шестой книге Апологии, написанной нами об этом великом человеке.

37

В это время опять в Аравии появились люди, распространявшие учение, истине чуждое. Они утверждали, что душа человека в смертный час умирает вместе с телом и вместе с ним разрушается, а в час воскресения вместе с ним и оживет. Тогда был созван немалый Собор и опять приглашен Ориген³⁶. Он изложил перед собранием свои соображения о данном вопросе, которые заставили отказаться от недавних заблуждений.

Началось новое разномыслие — так называемая ересь Елкесаитов: она, впрочем, появилась и тут же исчезла. О ней вспоминает Ориген в своей беседе на 82-й псалом; он говорит так:

«Появился человек, гордый своим безбожием и нечестивейшим учением, которое зовется Елкесаитовым; недавно восстало оно на Церковь. Я раскрою вам зло этого учения, да не похитит оно вас. Оно отвергает некоторые части Писания, но пользуется изречениями из всего Ветхого Завета и Евангелия, отвергает последнего апостола. По их словам, отречение от веры ничего не значит: человек здравомысленный отречется по необходимости языком, но не сердцем. Они ссылаются на какую-то книгу, упавшую с неба; внимающий и верующий ей получит отпущение грехов, только это не то отпущение, которое дал Христос Иисус»³⁷.

После семилетнего царствования Филиппа власть получил Деций. Из ненависти к Филиппу он поднял на Церковь гонение³⁸, во время которого мученической смертью скончался в Риме Фабиан; преемником его был Корнилий. (2) В Палестине епископ Иерусалимский Александр предстал в Кесарии вновь перед правительственным судом и после вторичного славного исповедания³⁹ изведal тюрьму, а был уже украшен честными сединами глубокой старости; его мужественная старость и честные седины внушали уважение. (3) Он почил в тюрьме после своего прекрасного и славного исповедания перед судом правителя; преемником его в Иерусалиме называют Мазабана. (4) Так же, как Александр, скончался в Антиохии в тюрьме после исповедания Вавила: во главе Церкви поставлен Фабий.

(5) Что и сколько пережил Ориген в это гонение и какой был этому конец, когда злобный демон выстроил против этого человека все свое воинство и накинулся на него всеми силами и средствами — больше, чем на всех, с кем он вел тогда войну; что и сколько выдержал за веру Христову этот человек: оковы, телесные муки, истязания железом, тюремное подземелье, многодневное сидение с растянутыми до четвертой дыры ногами, угрозу сожжения и вообще что только ни делали с ним враги — всё он мужественно вынес. А конец этому был такой: судья всей силой власти своей воспротивился его казни. Какие после этого оставил он сочинения и как они полезны тем, кто нуждается в поддержке, — об этом правдиво и точно сообщают многочисленные письма этого человека⁴⁰.

О том, что случилось с Дионисием, он рассказывает сам в письме к Герману⁴¹ (привожу оттуда выдержку):

«Говорю перед Богом, Он знает, лгу ли я. Я никогда бы не ушел своей волей и без Божиего указания. (2) Еще раньше, когда при Деции объявлено было гонение, Сабин в тот же час послал Фрументария⁴² разыскать меня; я четыре дня сидел дома, ожидая прихода Фрументария, а тот кружил по всей окрестности, выслеживая меня по дорогам, рекам, по полям, где, подозревал он, я прячусь или разгуливаю. Как пораженный слепотой, он не смог найти дом, да и не верил, что я сижу дома, когда меня преследуют. (3) С трудом через четыре дня, когда Господь велел мне уйти

и чудесным образом уготовал путь, я, и мои слуги, и многие братья — все вместе мы отправились. А что все это было по Божиему Промыслу, это стало ясно из дальнейшего, и мы тут кое-кому оказались полезны».

(4) Рассказав затем о некоторых событиях, он говорит, что произошло с ним после ухода:

«Около захода солнца меня и бывших со мной воины вели в Тапосирис. По Божиему смотрению, Тимофей с нами не было и его не схватили. Придя позднее, нашел он дом пустым и под охраной, а мы были уже невольниками».

(5) И затем говорит:

«Вот как удивительно домостроительство Его! Расскажу правду. С Тимофеем, в перепуге бежавшим, повстречался какой-то крестьянин и спросил, чего он так торопится. Тимофей сказал правду, (6) а тот выслушал (он шел, намередаясь попить на свадьбе; у них там в обычае не расхаживаться целую ночь) и, придя, все рассказал гостям. Те разом, словно сговорившись, вскочили, понеслись бегом и, догнав нас, радостно закричали. Воины, охранявшие нас, тут же убежали, а они обступили меня; я же как был, так и лежал на голых носилках. (7) И я — видит Бог — принял их сперва за разбойников, которые нас разденут и ограбят. Я сидел на своем ложе голый, в одной льняной рубахе; остальная одежда лежала около меня, им я и протянул ее. Они же велели мне встать и как можно скорее уходить. (8) И тогда, поняв, зачем они пришли, я стал криком просить и молить их уйти и нас оставить. Если же хотят они мне добра, то пусть предупредят взявших меня и сами отрубят мне голову. Пока я это выкрикивал, как это известно моим спутникам, всё со мной переживавшим, они силой меня подняли. Я навзничь упал на землю, но они потащили меня за руки и за ноги. (9) За мной шли свидетели всего этого: Гай, Фавст, Петр и Павел. Они же взвалили меня себе на спину, вынесли из этого городка и увезли, посадив на осла, даже не покрыв его попоной».

Вот что рассказывал о себе Дионисий.

41

Он же в письме к Антиохийскому епископу Фабию так рассказывает о том, что претерпели при Деции мученики в Александрии:

«Преследование у нас началось не с царского указа, а на целый год раньше, когда какой-то пророк и виновник бедствий этого города — кто бы он ни был — стал возбуждать и натравливать на нас языческую толпу, разжигая их родное суеверие⁴³. (2) Подученные им язычники решили, что всякое злодеяние им дозволено и что благочестивое почитание демонов требует одного — убивать нас. (3) Первым они схватили старца Метру и приказали ему богохульствовать; он отказался, его стали бить палками по телу и колоть острым тростником лицо и глаза, затем вывели за город и побили камнями. (4) Верующую женщину, именем Квинту, привели в капище и заставляли кланяться кумирам; она с отвращением отворачивалась; ей связали ноги и протащили через весь город по острым камням мостовой, бичевали, толкали на мельничные жернова и, приведя туда же, куда Метру, убили. (5) Затем все единодушно устремились на христианские дома; каждый врывался к знакомым и соседям, тащил и грабил. Вещи подороже забирали себе, дешевые и деревянные выбрасывали и жгли на улицах; казалось, город взят неприятелем. Братья уклонялись и

уходили, радуясь расхищению своего имущества, как и те, о которых говорил Павел. (7) Не знаю, нашелся ли до сих пор человек, который, попав к ним в руки, отрекся от Господа, разве один-единственный.

Язычники схватили также Аполлонию, дивную старушку-девушечку, били по щекам, выбили все зубы; устроили за городом костер и грозили сжечь ее живьем, если она заодно с ними не произнесет кощунственных возгласов. Аполлония, немного помолчавшись, отошла в сторону, прыгнула с разбега в огонь и сгорела. (8) Серапиона взяли дома, измучили жестокими пытками, переломали все суставы и сбросили головой вниз из верхней комнаты.

Нам не было проходу ни на людных улицах, ни в переулках, ни днем, ни ночью; всегда и всюду все кричали: кто не произнесет слов мерзостных, сейчас же его в костер. (9) Очень долго все так и шло, ничуть не ослабевая, но потом поднялся мятеж, и гражданская война обратила на них самих прежнюю их жестокость к нам. Мы немного передохнули: им в их злобе было не до нас, но скоро пришло известие о смене милостивой к нам власти⁴⁴; великий страх перед тем, что угрожало, навис над нами.

(10) И вот появился указ, говоривший почти о том же, что предречено было Господом нашим,— такой страшный, что могли, пожалуй, соблазниться даже избранные. (11) Все притаились⁴⁵. Многие видные люди явились сразу: одни — из страха; магистраты — повинувшись своим обязанностям, некоторых тащили близкие. Вызванные по имени подходили к нечистым жертвам, одни бледные и дрожащие, словно не они собрались принести жертву, а сами шли как жертвы на заклание. Толпа, стоявшая вокруг, осыпала их насмешками: явные трусы, они боялись и умереть, и принести жертву. (12) Другие быстро, с готовностью подходили к жертвеннику, развязностью своей подтверждая, что никогда и не были христианами; об этих людях истинно изрек Христос: трудно им спастись. Из остальных одни вели себя или как первые, или как вторые из упомянутых, иные сбегали. (13) Из тех, кто был схвачен, одни даже пошли в тюрьму и кое-кто долго просидел в заключении, но затем они отреклись, не представ еще даже перед судом; другие некоторое время терпели пытки, но терпеть дальше отказались.

(14) Крепкие и блаженные столпы Господни, укрепляемые Им, черпая в своей твердой вере соответствующие ей достоинство и терпение, стали дивными свидетелями Его царствования. (15) Первым из них был Юлиан; он страдал подагрой и не мог ни стоять, ни ходить; он был взят вместе с двумя другими людьми, его несшими. Один из них сразу же отрекся; другой же, Кронион, по прозвищу Евнус, и сам старец Юлиан исповедали Господа; бичуя, их провезли на верблюдах по всему городу — а вы знаете, что он большой, — и наконец, среди окружавшей толпы бросили в негашеную известь. (16) Воин, сопровождавший их по дороге, не позволял над ними издеваться; толпа подняла крик, и Вису, смелого воина Божию, отличившегося в великой борьбе за веру, привели на суд и обезглавили. (17) Другой, ливиец родом, Макарий, воистину блаженный — и по смыслу своего имени⁴⁶, и по благословию Божию — остался непоколебимым, хотя судья долго уговаривал его отречься, и был сожжен живым. Затем Епимаха и Александра, долго просидевших в узах, перенесших «когти» и бичевание, облили негашеной известью.

(18) Вместе с ними были и четыре женщины: Аммонария, святая дева,

которую судья пытал усердно и долго, ибо она сразу объявила ему, что не скажет ни слова из тех, которые от нее потребуют; обещание свое она сдержала и была уведена на казнь. Остальных: почтеннейшую старицу Меркурию, Дионисию, многодетную мать, возлюбившую, однако, Христа больше детей, судья, устыдившись напрасных пыток и поражения, нанесенного женщинами, распорядился убить мечом и не пытаться. Аммонария, первая в этой борьбе, прошла через всё.

(19) Ирон, Атир, Исидор, египтяне, и вместе с ними Диоскор, отрок лет пятнадцати, были выданы. Судья пытался сначала обмануть отрока, казалось, доверчивого, и припугнуть пытками, рассчитывая, что он сразу же сдастся, но Диоскор не поддался на уговоры и ни в чем не уступил.

(20) Остальных, истерзанных самым зверским образом и выдержавших эти муки, он предал огню. Диоскор вызвал общее восхищение и удивил судью умными ответами на его убеждения; он отпустил отрока, сказав, что он, считаясь с его возрастом, дает ему отсрочку для раскаяния. И сейчас богоугодный Диоскор пребывает с нами, ожидая борьбы более длительной и награды более достаточной.

(21) Некий Немезион, тоже египтянин, ложно обвиненный в сообщничестве с разбойниками, оправдался перед центурионом в этой нелепейшей клевете, но был уличен как христианин и в цепях приведен к правителю. Этот несправедливейший человек измучил его пытками и бичеванием вдвойне против разбойников и сжег вместе с разбойниками — блаженный был почен примером Христа.

(22) Целое воинское отделение: Аммон, Зенон, Птоломей, Инген, а с ними старец Феофил — выстроилось перед судилищем. Когда кого-либо судили как христианина и он уже склонялся к отречению, стоявшие около скрежетали зубами, кивали головой, протягивали руки, принимали разные позы. (23) Все обернулись на них, но прежде, чем кого-либо из них схватили, они, предупреждая всех, взбежали на помост и объявили себя христианами. И правителя, и его советников охватил страх; подсудимые еще укрепились в своей вере, а судьи оробели. Христиане выходили из суда с торжеством и ликованием о своем исповедании: Господь даровал им славный триумф.

42

«Множество других по городам и деревням были растерзаны язычниками; я приведу примера ради один случай. Исхирион был вилланом на жаловании у одного из правителей. Хозяин велел ему принести жертву; отказавшегося выругал, упорствующего осыпал оскорблениями, непреклонного убил: вогнал ему в живот, в самые внутренности, огромную палку. (2) Что сказать о толпах людей, скитавшихся в горах и пустынях, погибавших от голода, жажды, мороза, от болезней, от разбойников и зверей? Выжившие свидетельствуют об их избранничестве и победе. В подтверждение приведу один случай. (3) Херимон, глубокий старец, епископ города, именуемого Нилоподем, бежал вместе с женой на Аравийскую гору; они не вернулись обратно, и братья, несмотря на все поиски, не нашли ни их самих, ни их тел. (4) Многие на этой же самой Аравийской горе стали рабами варваров-сарацин⁴⁷. Одни из них с трудом и за большие деньги были выкуплены, другие и доныне пребывают в рабстве. Я рассказал об этом, брат, не зря, но чтобы ты знал, сколько страшного мы пережили. Многие, испытавшие еще больше, могут многое рассказать».

(5) Затем несколько ниже он добавляет:

«А эти наши Божественные мученики, которые ныне восседают вместе с Христом, причастны Его Царству, участвуют в суде Его и вместе с Ним выносят решения,—они вот взяли под защиту павших братьев, которым надлежало держать ответ в принесении жертв. Видя их обращение и раскаяние, уверенные, что оно может быть принято Тем, Кто вообще хочет не смерти грешника, а его покаяния, они приняли их, собрали воедино, вместе с ними молились и вкушали пищу.

Что относительно их посоветуете, братья? Что нам делать? Будем ли согласны и единомысленны с ними, соблюдаем их милостивый суд и дружелюбно отнесемся к тем, кого они пожалели, или же сочтем их суд несправедливым и поставим себя судьями над ними? Оскорбим их доброту и отменим приказ?»

43

Возобновляя разговор о тех, кто ослаб во время гонения, Дионисий весьма кстати всё это привел. Дело в том, что, превозносясь над ними в гордыне своей, Новат⁴⁸, священник Римской Церкви, заявил, что для них вовсе нет надежды на спасение, даже если они выполнят всё, что требуется при искреннем обращении и честном исповедании грехов. Он стал главой особой ереси, последователи которой в надмении ума называли себя «чистыми» (катарами).

(2) По его поводу в Риме собрался очень большой Собор: шестьдесят епископов, гораздо больше священников и диаконов; в остальных церковных округах местные пастыри — каждый — обдумывали, как поступить. Всеми принято решение: считать чуждыми Церкви Новата и превозносящихся вместе с ним, предпочитавших братоненавистническое и бесчеловечное мнение этого человека. Несчастных же, попавших в беду братьев лечить целительным покаянием. (3) До нас дошли письма Корнилия, епископа Римского, к Фабию, епископу Антиохийскому, со сведениями о римском Собрании и постановлениях, принятых в Италии, Африке и тех краях; есть и письма от Киприана и его африканских соепископов, написанные по-латыни⁴⁹, из коих явствует, что и они согласны с необходимостью подавать помощь соблазненным и считают справедливым отлучение от Церкви ересиарха и тех, кто пошел за ним. (4) К этим письмам присоединено другое письмо Корнилия о том, что было угодно Собору, и еще другое — о поведении Новата. Ничто не мешает привести из него выдержки, дабы познакомить моих читателей с тем, что его касается. (5) Корнилий, описывая Фабию поведение Новата, пишет так:

«Так вот, знай: этот диковинный человек давным-давно стремился к епископству, но скрывал ото всех это страстное свое желание, а прикрыл он свое безумие, пользуясь исповедниками, которых первоначально имел на своей стороне,— вот что я хочу сказать. (6) Максим, священник у нас, и Урбан, дважды пожавшие урожай доброй славы за свое исповедание, Сидоний и Келерин, человек, который все пытки по милости Божией перенес, укрепил силой веры слабую плоть и победил противника своим мужеством,— все эти люди, хорошо поняв Новата и воочию видя его злобность, двоедушие, клятвопреступничество, лживость, его неумение жить с людьми и его вольчью дружбу, вернулись в Святыню Церковь и перед множеством епископов, священников и мирян раскрыли все его уловки и злые дела, давно им замысленные; они скорбели и каялись, что,

поверив этому лукавому и злонравному животному, на короткое время покинули Церковь».

(7) Немного дальше он говорит: «Непонятную перемену, возлюбленный брат, увидели мы в нем вскоре: этот блистательный человек⁵⁰, страшными клятвами заверявший, что он вовсе не домогается епископства, вдруг является епископом, словно его выбросило к нам машиной. (8) Этот толкователь догматов⁵¹, этот поборник церковной науки, решив ухватить и похитить епископство, которое не было ему дано свыше, нашел себе двух помощников, отчаявшихся в своем спасении, и отправил их в какой-то глухой уголок Италии обмануть ловкой выдумкой тамошних трех епископов⁵² — людей необразованных и простодушных: надо уверять их и настаивать на том, будто они должны поскорее ехать в Рим и там, при их посредничестве, уладить все несогласия с другими епископами. (9) Когда прибыли эти, как мы уже сказали, простецы, ничего не понимающие в кознях и хитростях обманщиков, их заперли люди, сходные с тем, кто доставил им столько хлопот. В десятом часу, когда они напились, их, совершенно охмелевших, Новат силой заставил через возложение рук дать ему мнимое, ложное епископство, вытребованное хитростью и мошенничеством и ему не положенное. (10) Один из этих епископов немного спустя вернулся в Церковь, со слезами всенародно исповедал свой грех, и мы приняли его в общину, но как мирянина; за него просил весь присутствовавший тут народ. Что касается остальных епископов, то мы рукоположили им преемников и послали в те места, где они были. (11) Этот страж Евангелия разве не понимает, что в Церкви кафолической должен быть один епископ? В ней имеется — он не мог этого не знать — 46 священников, 7 диаконов, 7 иподиаконов, 42 аколуга, 52 человека заклинателей и чтецов и привратников, больше полутора тысяч вдов и калек⁵³, которых питает благодать Христова. (12) Даже такое множество, столь необходимое в Церкви, — число, по Божиему Промыслу, обильное и все умножающееся, вместе с неисчислимым количеством мирян, не отвратило его от этого неразумного, безнадежного поступка и не вернуло в Церковь».

(13) И далее, между прочим, добавляет следующее:

«Так вот, сразу же скажем и о том, за какие дела, за какое поведение осмелился он притязать на епископский сан. Не за то ли, что с самого начала жил в Церкви, многократно боролся за нее, испытал за веру много великих опасностей? Отнюдь нет. (14) Начало его вере положил сатана, который вошел в него и жил в нем достаточно долго. Помогли ему заклинатели, а когда он тяжело заболел, то его, считая почти умирающим, крестили — если можно сказать про такого человека, что он крещеный, — окропив водой на той же постели, где он лежал. (15) Он выздоровел, но над ним не было совершено остальное, что требуется по церковным правилам: он не был запечатлен епископом. Не получив этого, мог ли он получить Духа Святого?»

(16) Немного далее он продолжает: «Из трусости и жизнелюбия он во время гонения отрекся от того, что был священником. Диаконы просили и убеждали его выйти из комнаты, где он заперся, и помочь братьям, насколько священнику и полагается и возможно помочь в опасности братьям, но он решительно отвернулся от увещавших его диаконов и ушел в гнев, сказав, что он больше не хочет быть священником: он увлечен другой философией»⁵⁴.

(17) Немного дальше он добавляет следующее: «Итак, эта знамени-

тость покинула Церковь Божию, в которой он после того, как уверовал, был почтен священническим саном по милости епископа, через возложение рук введшего Новата в круг священников. Возражал весь клир и многие миряне, ибо крещенному по болезни окроплением в кровати, как был окрещен Новат, не дозволено быть членом клира, но епископ просил разрешения рукоположить только его одного.

(18) И затем он описывает самое тяжкое из преступлений этого человека:

«Совершая приношение и уделяя каждому его частицу, он, подавая ее, заставлял несчастных людей вместо слов благодарности клясться, держал обеими руками руки берущего и не отпускал их, пока тот не поклянется (пользуясь его же словами): «Клянусь Телом и Кровию Господа нашего Иисуса Христа, что никогда не покину тебя и не перейду к Корнилию». (19) И несчастный человек приобщался не раньше, чем взяв на себя клятву, и вместо того, чтобы, взяв хлеб, произнести «Аминь», говорил: «Я не перейду к Корнилию».

(20) Между прочим, говорит он и следующее: «Знай, что он покинут и одинок, ибо братья ежедневно покидают его и возвращаются в Церковь. И Монсей, блаженный мученик, недавно произнесший у нас свое прекрасное, дивное исповедание, будучи еще в этом мире и видя его дерзость и безумие, отлучил его вместе с пятью пресвитерами, которые вместе с ним откололись от Церкви». (21) И в конце письма он приводит список епископов, приходивших в Рим и осудивших глупость Новата; он называет их имена и округ, которым кто управлял; (22) упоминает тех, кого не было в Риме, но кто письменно подтвердил свое согласие с мнением вышеупомянутых, называет тут же и города, которыми они ведали и откуда писали⁵⁵. Вот о чем уведомил Корнилий Фабия, епископа Антиохийского.

44

Дионисий Александрийский в послании к этому самому Фабию, несколько склонявшемуся к расколу, рассуждая о многом и между прочим о покаянии, рассказывал о недавних подвигах александрийских мучеников и сообщил между прочим об удивительном происшествии, о котором необходимо сообщить в этом произведении:

(2) «Я предложу тебе один пример — то, что случилось у нас. Был у нас некий Серапион, один старик, верующий; долгое время жил он безупречно, но в испытании пал. Часто просил он о прощении, однако никто не обращал на него внимания, ибо он принес жертву. Заболев, он три дня подряд лежал без языка и без сознания. (5) На четвертый день ему стало лучше, он подозвал внука и сказал: «До каких пор, дитя, будете вы меня держать? Поторопитесь, прошу, скорее дайте мне разрешение. Позови ко мне священника». Сказав это, он опять лишился языка. (4) Мальчик побежал к священнику; дело было ночью; священник болел и не мог прийти. Но так как я распорядился давать умирающим отпущение грехов, если они его просят, особенно если они еще раньше умоляли о нем, — да умрут исполненные благой надежды, — он дал мальчику кусочек Агнца, велел размочить его и вложить старику в рот. (5) Мальчик пошел обратно, неся Причастие, но еще не успел переступить порог, как Серапион опять заговорил: «Ты пришел, дитя? Священник не смог прийти но ты быстро сделай, что тебе приказано, и отпусти меня». Мальчик размочил

частицу и влил всё в рот старику; тот проглотил и тут же скончался». (6) Не ясно ли, что он был сохраняем и удерживаем на земле, пока не будет прощен? И так как грех его был стерт многими хорошими делами, то его и можно было считать христианином».

Вот что рассказывает Дионисий.

45

Посмотрим, как писал Дионисий Новату⁵⁶, взволновавшему тогда римское братство. Виновниками своего отступничества и раскола он считал некоторых братьев — они заставили его дойти до этого, — и Дионисий пишет ему так:

«Дионисий приветствует брата Новата. Если, как ты говоришь, тебя увели из Церкви против воли, то, добровольно вернувшись, ты докажешь это. Следовало всё перетерпеть, только бы не раскалывать Церковь Божию: отказ от раскола был бы не менее славен, чем отказ от идолослужения, а по-моему, еще более. В том случае ты борешься только за свою душу, а здесь — за всю Церковь. И если сейчас ты силой или убеждением вернешь братьев к единодушию, это дело загладит твою ошибку целиком: ее не зачтут, а дело твое прославят. Если же ты не сможешь сладить с непокорными, спасая их, — спаси свою душу. Будь здоров и пребывай в мире с Господом, о чем и молюсь».

46

Так писал он Новату. Написал он еще послание к египтянам «О раскаянии»; в нем он излагает свои мысли о падших, определяя разные степени виновности. (2) Есть еще послание к Конону, епископу Гермопольской Церкви, целиком о покаянии, а также увещательное к своей александрийской пастве. Среди его писем находятся: письмо «О мученичестве» к Оригену и к братьям лаодикийским, предстоятелем которых был епископ Филимидр, а также о покаянии к братьям в Армении, где епископом был Мерузан. (3) Кроме того, писал он и в Рим Корнилию, когда получил от него письмо о Новате; в послании он сообщает, что был приглашен Еленом, епископом Тарса Киликийского, и другими епископами, с ним бывшими: Фирмилианом Каппадокийским и Феоктистом Палестинским для встречи с ними в Антиохии, где некоторые старались укрепить раскол Новата. (4) Кроме того, он пишет, что, как ему сообщили, Фабий скончался, а преемником его в Антиохии поставлен Димитриан. Пишет и об Иерусалимском епископе слово в слово так: «Блаженный Александр блаженно почил, находясь в темнице».

(5) Есть и еще послание Дионисия к римлянам «О должности диакона», отправленное через Ипполита. К ним же написал он и другое послание о мире, кажется, такое же о покаянии и еще другое к тамошним исповедникам, еще державшимся мыслей Новата. К ним же, по возвращении их в Церковь, направил он два письма. Переписывался он со многими и оставил людям, и поныне ценящим его слова, много разнообразных и полезных сведений.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

К книге пятой

- ¹ Марк Аврелий; 17-й год его царствования — 177 г.
² Лугдун — ныне Лион; Родан — ныне Рона.
³ Это был командир отряда, стоявшего в Лугдуне.
⁴ Пропретор, управляющий Лугдунской провинцией (центральная часть нынешней Франции).
⁵ Царь Фивест подал на обед собственных детей. Эдип женился, не зная того, на собственной матери.
⁶ Т. е. сатану.
⁷ У Церкви.
⁸ Ежегодный праздник, на который собирались представители всей Галлии. Он начинался 1 августа и длился несколько недель.
⁹ Т. е. дьяволом.
¹⁰ В конце царствования Марка Аврелия преследований христиан нигде не было.
¹¹ Принадлежал к числу еретиков катафригийской секты.
¹² Т. е. еретики.
¹³ Как богодухновенную.
¹⁴ В 180 г.
¹⁵ Время Коммода.
¹⁶ Или Антонину Пию и Марку Аврелию (147—161), или Марку Аврелию и Луцию (161—169).
 Под «философией» разумеется образ жизни христианина.
¹⁷ Евсевий имеет в виду приказ Траяна Плинию: отпустить только тех христиан, которые отречутся от веры.
¹⁸ См. примеч. 13 к книге третьей.
¹⁹ Коммод был задушен 1 января 192 г. С этого числа и до 193 г., когда Дунайская армия провозгласила императором Септимия Севера, убито было два императора: Пертинакс и Дидий Юлиан, которого Евсевий пропустил.
²⁰ В тексте — «Об апостоле», но в церковном греческом языке «Об епископе» означает «О посланиях Павловых».
²¹ Виктор скончался в 198 г.

К книге шестой

- ¹ Император Септимий Север запретил пропаганду христианства и переход в христианство. Запрещена была и пропаганда иудейской веры.
² Леонид был несомненно отцом Оригена; автор хочет, может быть, сказать, что своей известностью Леонид обязан сыну.
³ В грамматической школе занимались, главным образом, изучением литератур — греческой и латинской.
⁴ «Философия» здесь — мудрость христианской жизни, жизни, согласной с учением Христа.
⁵ 15 коп. золотом. Суммы этой едва хватало на дневное пропитание.
⁶ Септимий Север умер в 211 г. Ему наследовали два его сына — Гета и Каракалла, но уже в 212 г. Каракалла убил брата и стал править единодержавно. Официальное имя Каракаллы — Антонин; Каракалла — прозвище.
⁷ Город в Египте, основанный императором Адрианом.
⁸ Она находилась в Келесирии, или Киликии.
⁹ Кто этот пресвитер, неизвестно.
¹⁰ Гекзаплы, как указывает само слово (hex — шесть), представляли собой шесть колонок: 1) еврейский текст еврейским шрифтом; 2) этот же текст греческим шрифтом; переводы: 3) 70-ти толковников, 4) Аквилы, 5) Симмаха и 6) Феодотииона. От гекзапл сохранились отрывки.
 В Тетраплах было четыре колонки: опущен был еврейский текст.
¹¹ Ориген считал, что эти «мирские науки» необходимы как введение к занятию богословием. Очень интересно в этом отношении «Благодарственное слово», с которым обратился к Оригену его ученик — святитель Григорий Чудотворец.
¹² Порфирий написал в 15 книгах сочинение «Против христиан», весьма популярное в свое время. Сохранились отрывки от него (см.: *A. Harnack. Porphyrius "Gegen die Christen". Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, 1916*).
¹³ Нуминий, сирийский философ второй половины II в., пытался объединить греческую философию с восточными верованиями. Кроний, его современник, философ-пифа-

горец, мало известен. Аполлофан — стоик, жил в Антиохии в III в. по Р. Х.; Лонгин — афинский ритор и философ. Модерат — философ-пифагорец I в. Никомач — пифагорец, жил в I или II в., особенно известен своими трудами по математике. Херимон — стоик, библиотекарь в знаменитой александрийской библиотеке; написал ее историю и историю Александрии; учитель Нерона. Корнут — учитель и друг поэта Перония, философ-стоик.

¹⁴ Иракл надеялся плащ, обычно носимый философами. Из слов Оригена ясно, что в то время ни епископы, ни священники не носили особой одежды.

¹⁵ Аравия, о которой здесь речь, была римской провинцией, включавшей все Заинорданье и Персию; управлял ею легат-сенатор. Обращение легата имеет характер официальной; письмо к епископу свидетельствует о том, что в это время римские чиновники были знакомы с церковной иерархией. Путешествие Оригена приходится на 215—216 гг.; зачем вызывал его правитель Аравии, неизвестно.

¹⁶ Александрийцы восстали в 215 г. против императора Каракаллы. Каракалла жестоко отомстил александрийцам: отдал город на разграбление, выгнал всех иностранцев, закрыл школы.

¹⁷ Город Элия был основан на месте разрушенного Иерусалима.

¹⁸ У Евсевия были весьма смутные сведения о св. Ипполите Римском, равно как и о других западных писателях.

¹⁹ Каракалла был убит в 217 г., Макрин — в 218 г. «Другой Антонин» — император Элагабал.

²⁰ Элагабал был убит в 222 г., на престол вступил Александр Север.

²¹ Александр Север был убит в 235 г.

²² Ориген и Протоктет (он был священником в Кесарии Палестинской) пережили это гонение.

²³ Максимин убит 10 мая 238 г.; оба первых Гордиана убиты около 20 апреля того же года.

²⁴ Палестинской; в Кесарию Каппадокийскую Ориген наезжал, но там не жил.

²⁵ Св. Григорий Чудотворец — одна из самых ярких фигур раннего христианства.

²⁶ История Сусанны добавлена к книге Даниила; евреи не признают ее как канонической.

Переписку Африкана с Оригеном датируют примерно 240 годом.

²⁷ От него до нас сохранилось только несколько отрывков. Комментарий на книгу пророка Иезекииля потеряны.

²⁸ От этого комментария сохранились в переводе Руфина: пролог, книги первая — третья и часть четвертой.

²⁹ Житие св. Памфила — в книге Евсевия «Палестинские мученики». Каталог, составленный Евсевием, потерян; сохранилась часть его в письме блаж. Иеронима к Павле (письмо 23); в нем названо около 800 работ Оригена; в каталоге Евсевия их было 2000.

³⁰ Филипп Араб царствовал в 243—249 гг. Христианом он не был, но христианством интересовался и христиан не преследовал.

О требовании епископа и послушании Филиппа рассказывает и св. Иоанн Златоуст; епископом, по его словам, был св. Вавила.

³¹ В 247 г.

³² Цельс не был эпикурейцем, но Ориген часто называет его так.

³³ От этого комментария сохранились книги 10—18, а в латинском переводе — большой отрывок. Толкование на 12 малых пророков утеряно.

³⁴ Сохранились разрозненные отрывки.

³⁵ В православии Оригена сомневались, и обвинители против него поднялись грозные. Иероним пишет по этому поводу (письмо 33): «В Риме собрали против него Собор не потому, что он предлагал новые догматы; не потому, что вводил ересь (как теперь глут на него), но потому, что они не в силах были перенести славу его мудрости и красноречия: когда он учил, всех можно было считать немymi».

³⁶ Об этом Соборе мы знаем только то, что сказано здесь у Евсевия.

³⁷ Евсевий ошибается, относя возникновение этой ереси к середине III века: она появилась около 100 г.; о ней сообщает св. Ипполит в своих «Philosophumena».

³⁸ Филипп был убит осенью 249 г. в сражении с Децием, которого провозгласили императором иллирийские легионы. Преследовать христиан вовсе не входило в намерение Деция: эдикт, изданный им в самом начале 250 г., предписывал всем подданным Римской империи совершить молебенство о здравии и благоденствии императора и его дома, т. е. принести жертву Капитолийской Триаде. Цель молебствия была скорее политическая, чем религиозная: проверка отношения к новому императору, забрызганному кровью Филиппа, которого любил.

³⁹ Первое было при Севере (см.: *Евсевий Памфил. Церковная история*, VI, 11, 5).

⁴⁰ Вскоре после выхода из тюрьмы Ориген скончался.

⁴¹ Герман обвинял Дионисия в том, что он бежал от своей паствы во время преследования Валериана. Ответ Дионисия относится, следовательно, ко времени после 257 г.

⁴² Сабин был в то время префектом Египта; Фрументарий — полицейский агент.

⁴³ Преследование в Александрии началось, следовательно, в 248 г.

«Какой-то пророк» — вероятно, крупный египетский жрец, взывавший к религиозным чувствам язычников. Сабин ему не препятствовал.

⁴⁴ После смерти Филиппа Араба.

⁴⁵ В своем трактате «О падших» св. Киприан Карфагенский рисует подобную же картину.

⁴⁶ «Масаг» значит «блаженный».

⁴⁷ Имя сарацин известно уже в середине I в. до Р. Х.

⁴⁸ Речь идет о Новатиане, римском священнике, основателе раскола. Евсевий ошибся в его имени.

⁴⁹ Они утеряны.

⁵⁰ Письма 30 и 36 в Корпусе писем Киприана, написанные Новатианом, свидетельствуют и об интеллектуальной силе Новатиана и его литературной выучке.

⁵¹ Намек на сочинение Новатиана «О Троице»?

⁵² Они были неизвестны.

⁵³ А. Harnack (*Mission und Ausbreitung*, т. II, с. 805) заключает отсюда, что Римская Церковь насчитывала 30 000 христиан; население Рима в это время — около одного миллиона.

⁵⁴ Все эти обвинения предъявляет только Корнилий, и, надо думать, они преувеличены. Ни св. Киприан, ни автор трактата «Ad Novatianum» (может быть, папа Ксист II) — оба решительные противники Новатиана — не произносят ни одного из обвинений Корнилия.

⁵⁵ Список этот, к сожалению, не сохранился.

⁵⁶ В 1932 г. в Риме на Viale Regina Lgherita найдена была надпись: «Novatiano beatissimo Martyri Guadentius Diakonus». Д. Мольберг высказал предположение, что этот Новатиан не кто иной, как виновник раскола: он примирился с Церковью, а его отлучение почли равным мученичеству.

Письмо Дионисия дружелюбно: он обращается к Новатиану, как к брату, считает его ошибку поправимой и, видимо, обвинения Корнилия неосновательными.